

*Адольф
Янушкевич*

ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАЗАХСКИМ СТЕПЯМ

13 июля

Уже третий день мы стоим на берегах Карасу, в 250 верстах пути от Лепсы. Слева от нашей юрты тянется южный хребет Тарбагатай, справа – необъятная для глаза степь, перерезанная водами Урджара, а перед нами три одинокие горы, за которыми китайские пикеты. И уже за ними их торговый город Чугучак, ближайший к нам.

Из Тарбагатай нам принесли яблоки, еще незрелые, они растут только на южной стороне горы.

В разговоре Усман сказал: «Злой язык все пачкает, а белое полотенце все вытирает». Алатауский ловчий пришел жаловаться, что казаки не дают ему кишки от зарезанной скотины; был безмерно счастлив, когда ему их обещали. Эти кишки моют и, прижарив в горячем пепле, едят как лакомство.

Писал сегодня матери, но сразу не смог отослать.

14 июля

Весь день были заняты. Жара порядочная, но дует ветерок. Чистый воздух позволил хорошо разглядеть Тарбагатай. Весь из камня, на нем пятна – заросли леса.

15 июля

Весь день считал коров, баранов и т. д. Письмо от Долонбая, написанное тушью. Он, как говорили хвалившие его татары, имеет «камень в голове», что означает, что он в Китае почетный чиновник. Говорили также, что он со своими киргизами хотел бы перейти в русское подданство.

16 июля

Закончили перепись населения. Оказалось до 6 тысяч людей обоого пола, коней – 10 000, коров – до 4000, баранов – 62 480. Жители жаловались на большой падеж скота, особенно баранов, и на кражу лошадей китайцами.

Власть Усмана, как видно, не очень страшная, так как наши приготовления к отъезду плохо подвигаются. А однако, когда он было подал в отставку, киргизы никого другого не захотели иметь волостным, и ему пришлось остаться. Его любят за то, что через своих родных и личные связи он умеет хорошо отстаивать интересы своих подданных. Но когда дело идет о выполнении какого-либо его приказа, каждый старается оттянуть выполнение до последней минуты.

Удивительная у киргизов охота скитаться по степи. Барак, например, забросив дела своей волости и хозяйство, долго ездил с нами; сегодня едет к кисайцам и байджигитинцам по чужим делам, а старый бий Бейбит повсюду тянется за нами, даже и дела никакого не имея. В 3 часа после полудня выехали от Усмана. Дорога шла через нивы проса, которое киргизы, наполовину нагие, с лопатками в руке, поливали. Прямо негры на плантациях. Над Урджаром, после того как сделали верст 20, мы обнаружили небольшой аул и стали на ночевку. Киргизы говорили, что в кустах над рекой множество тетеревов, а в Тарбагатае есть маралы, медведи, кабаны, лисы, даже черные, но последнего сорта. Аул живет по большей части охотой. Несколько русел Урджара текут с горы Чагарак. Кроме нее, в южную сторону бегут реки Егинсу и Катынсу, текущие с Тарбагатая.

Нас посетил старшина с кольцом от жены, этот знак благодарности дается мужу с утра за оказание особой вежливости.

17 июля

Двинулись в четверть третьего и долго шли под гору через множество ручейков. Повсюду полно персиковых деревьев, обсыпанных плодами, гумелины, мальвы, розы и т. д. до самой Егинсу, прорезающей скалы и спадающей в долину, затененную тополями. Отсюда через небольшие горы видно Ала-Куль. Появились сороки и огромные стаи каменных скворцов.

Пройдя по меньшей мере верст 30 по каменистой караванной дороге, мы угодили к первым аулам сиванцев. Первый раз в жизни я ехал на иноходце, конь хороший, да ну его к чертям с его ходом! Привал у ручья, впадающего в Егинсу, ущелье с огромной красной скалой, поднимающейся над каменистой горой. Убил несколько каменных скворцов с черным чубиком и светло-розового цвета брюшком. Не желая улетать совсем, они все время перелетали с одного берега ущелья на другой.

Узнав от султана Аджи Робина, родственника Барака, что семиз-найманы кочуют за Караколом, недалеко от Аягуза, мы оставили чугучакскую караванную дорогу, ведущую через «котел» (проход между скалистыми, обожженными солнцем горами), взяли влево по очень плохому подъему на хребет вершины. Спускаясь с нее, все время ехали между небольшими горами, по долинам, выгоревшим от жары и съеденным саранчой. Вскоре перед нами показалась во всей своей красе большая гора Акча-Улы, почти совсем белая, хотя в распадках и заросла лесом и кустами. Часа через полтора после привала начался неслыханно трудный переход по скалам, тесным ущельям с богатой растительностью, кустарником и цветами. Повсюду на нашем пути через Тарбагатай мы видели на каждом шагу источники и ручьи удивительно чистой воды. После выхода на перевал, течение ручьев было уже в другую сторону, исчезли персики и природа совершенно иная. Спустившись с высоких гор, мы приехали в прекрасную долину, которую пересекает Каратал. Отсюда степью, заросшей карагайником, через бывшие нивы,

мы наконец подъехали к притоку реки Егинсу, где кочевье родных дядьев Барака, которые, как можно предположить при виде многочисленных стад верблюдов, замечательных лошадей и множества баранов, должны быть очень богатыми. Они кочуют отдельно от своей волости, и их окружает видимо-невидимо туленгутов различных родов.

До этого места мы сделали по крайней мере верст 35, а в течение дня – более 75, пересекли всю ширину Тарбагатая. На этой его стороне текут самые значительные реки: Каракол, Аягуз, Кичим, Базак и Чиликты.

В половине четвертого утра пустились дальше на свежих лошадях. Досталась мне каштанка с белой звездой и рысью, напомнившей мне моего Барака, а легкостью бега была даже лучше его. Казалось мне, что сижу не на коне, а на каком-то перышке, и не еду, а лечу. Сделали мы по каменистым дорогам между разными отрогами Тарбагатая верст тридцать и стали на отдых у источника, выслав тем временем киргизов на разведку места кочевий семиз-найманов.

Вид этого источника вызвал у нас сожаление, что оставлен без внимания такой дорогой дар неба. В других руках подобный источник был бы очищен, накрыт, а киргиз, который раз в году, во время кочевья, пользуется им, совершенно о нем не заботится, оставляя его так, как бог сотворил. Если бы эти источники были в должном порядке, степь имела бы другой вид, и пустыня была бы оживлена. Но много их еще высохнет и навсегда иссякнет, прежде чем киргизы захотят за малый счет и труд их сохранить. Удивительно ленивы именно богачи, которые всю тяжесть, даже имущественные повинности, например, подводы, сваливают на низших. Бедняк должен все лето, как негр, работать на земле для богача, питается козьим молоком, солнце жжет его почти нагого – боится, как бы разбойники не отняли одежду... И что он имеет за это? Какой-нибудь старый потертый халат, несколько десятков курта (сыр) и горсть проса, чтобы посеять себе в будущем году.

Бедняк, если и умыкает девушку, то делает это часто не из любви, как думает в своей прекрасной поэме мой дорогой Густав, но единственно потому, чтобы не платить за нее калым. Хотя семья откроет вора и напомнит о необходимости возвратить девушку или уплатить калым, он всегда выкручивается. И все оттого, что долгое время пройдет, прежде чем узнают, где она находится, а он тем временем имеет от нее выгоду и услуги, какие обычно имеют от невольниц. Поэтому за нее уже можно заплатить дешевле и даже частями. Не раз случается и так, что любящий отец в душе рад, что дочку у него умыкнули, так как это его освобождает от обязанности разоряться на приданое, дарить жениху седла, угощать сватов и т. д.

... Кроме различных болезней, бедных овец в степи часто уничтожает топалан. Совершенно здоровая овца щиплет себе траву, потом неожиданно задумывается, кружится, падает, дергает ногами – и конец. Болезнь эта чаще всего появляется летом и иногда убивает по несколько сотен в день. У одного киргиза из 12 тысяч овец осталось только две матки и один кошкар (баран). У киргизов существует предубеждение, что во время появления этого падежа надо позвать человека другой веры, который бы помолился и окропил водой баранов. Виктора два раза вызывали в один аул для этой цели, хотя он и объяснял, что не лекарь и никакого средства против зла не знает, это не помогло. Должен был молиться и кропить. Немного овец уцелело, и это помогло еще больше укорениться предрассудку.

Больше всего коней у киргизов погибает от голода и холода. За верблюдами, которые являются более нежными (может быть, оттого, что живут в климате, где тяжелые зимы), ухаживают очень старательно. Как только народится верблюжонок, его укрывают кошмами и никому не показывают, опасаясь дурного глаза. Видел я вчера старого верблюда, пораженного какой-то болезнью: лежал, бедный, на траве с вытянутой шеей, которой все время двигал с выражением боли в глазах. Над ним раскинули дорогой шатер, женщины ухаживали за ним заботливее чем обычно за своими детьми, которые, как маленькие негрятя или обезьянки, воспитываются в естественном состоянии.

Получив известие о том, что аулы семиз-найманов близко, мы в самую жару поехали дальше.

Долины и взгорья покрыты повсюду битым на мелкие куски камнем. Пересекли нашу дорогу из Аягуза на Кутималды и вскоре увидели на отдаленной горе киргиза, который, желая дать нам понять, что мы замечены, стал кружиться на одном месте. Это знак, всем в степи понятный. Тотчас полетели к нему толмачи, узнали, что это проводник, присланный от султана Утепа, волостного семиз-найманов. Потянулись за проводником и приехали в его аул в урочище Теректы, в долину, пересеченную речкой, посреди голых гор, только на скатах покрытых карагайником.

19 июля

Ночью неожиданно сорвался ветер и раскрыл наш тундук, так что представилось моим глазам все небо, как над римским Пантеоном (который действительно похож на киргизскую юрту). Было пасмурно, и казалось, что пойдет дождь, но под утро ветер утих, и снова палило. В 8 часов видел я прекрасное зрелище табунов коней, галопом летящих к реке на водопой.

Высланный вчера в Аягуз киргиз привез нам ворох писем. Я получил от брата и от многих друзей. Что за счастье иметь свежие новости от дорогих людей в дикой степи! Я никогда не испытывал такой радости от полученных писем в Омске. Наши знакомые из Аягуза прислали нам огурцов (кийяр), сухарей, несколько буханок хлеба, бутылку уксусу и пакет горчицы. Огурцы, а тем более хлеб, так долго не виданный в нашей юрте, привели меня в восторг.

Из-за недосмотра и дряхлости султана Утепа старшина Танысбай имеет большое влияние и почти управляет волостью. По его жалобе Виктор приказал одного киргиза за непослушание взять под арест по степному обычаю, который мы видели первый раз. Казаки поставили четыре винтовки в козлы и между ними посадили провинившегося; один из казаков нес стражу, ходя кругом с обнаженной шашкой. У киргизов это называется «сидеть под черной пикой» (каранайза). Они очень боятся и стыдятся этого наказания. Например, арест сына Бексултана, хотя тот и сидел только на гауптвахте в Ой-Джайлау, стал известен всей степи. Когда по просьбе самого же старшины киргиз был освобожден, он поблагодарил Виктора, а на старшину и не взглянул. Долго будет он помнить ему этот стыд, который перенес среди собравшихся многочисленных земляков.

Снова поступила жалоба от старшины на другого киргиза тоже за непослушание. Виктор готов был ему простить, если простит старшина. Киргиз, сложив руки на груди, упал перед ним на колени, все время повторяя «кулдук» (что одно-

временно означает и «спасибо», и «прости»), просил, чтобы он «рассек вино». Это происходит от следующего обычая: когда два киргиза о чем-то спорят, они приходят к бию, чтобы он их рассудил. Как только он произносит приговор, спорящие стороны берут шнурок и, держа за концы, подают ему, чтобы он его рассек в знак, что спор разрешен. На этот раз Танысбай не хотел «рассечь спора» и просил, чтобы с обвиняемым поступили «по-русски».

20 июля

Из-за сильного ветра, угрожавшего нашей юрте, пришлось стянуть ее шнурами. В числе баб, пришедших выполнять эту работу, была одна из жен господина султана, которая, поглядев на меня, спросила, помню ли я ее? Видя ее первый раз, я ответил, что не имею чести знать, так как раньше никогда не навещал аул ее мужа. «Да ведь три года назад мы тебе подарили шкурку жеребeka», – с большой убежденностью сказала султанша. И никак я не смог ее уверить в том, что три года назад не только у них, даже в Аягузском округе не был. Видимо, какой-то «урус», длинный, как и я, сумел мастерски добиться милостей у султана и султанши, а я остался в подозрении, как неблагодарный... Мы по этому поводу долго смеялись.

Киргизы начали собираться только к девяти утра, хотя мы приказали им приехать на рассвете, и Утеп ручался, что будут «ертен-ерте» (рано утром). Нет ничего более трудного для зажиточного киргиза, как рано встать. Богатые дольше, чем наши городские щеголихи, вылеживают под своими бухарскими одеялами, только у бедных работников, сторожей табунов и женщин, на плечах которых лежит большая часть работы, нет времени долго спать.

21 июля

Почти всю ночь шел дождь. Монотонный стук капель по крыше нашей юрты усыплял очень хорошо. Утомленные вчерашним гамом, не прекращавшимся весь день, мы хорошо отдохнули. Богатые киргизы скорее, чем бедные, утаивают правдивую цифру своего скота и стараются записать как можно меньше. Если у кого-то из них умер отец, тот боится называть его имя, чтобы случайно не занесли в список податей.

В 2 часа воротился посланец в Аягуз, снова с огурцами, привез нам большую пачку писем. Нет времени на них отвечать: нужно считать баранов.

22 июля

Только мы взялись за дело, как несколько коров окружило нашу юрту. Киргизы жаловались на их падеж и говорили, что их не имеют, «типти жок» (ничего нет); мы сказали, что эти коровы, наверно, пришли жаловаться на Утепа: он, дескать, имеет от нас молоко, жир и за шкуру каждой берет по пяти рублей; мы нисколько не хуже баранов и лошадей, однако нас не записывают, мы боимся, чтобы правительство, обратив на это внимание, не приказало нас загнать в Сибирь. *Distum* это очень понравилось киргизам, они сердечно смеялись, но объяснили, что эти коровы пришли из соседнего аула и уже записаны, что на поверку оказалось правдой.

Удивила нас память одного киргиза, который диктовал более ста коров и ни разу не ошибся, что показала сверка с реестром последней ревизии.

Под вечер собрались тучи, блестело, гремело, но кончилось тем, что ночь стала черной, как чернила. Наш хозяин, предупрежденный, что невдалеке показались барантачи, разослал во все стороны разъезды и усилил стражу при табунах. Все было сосредоточено, а сторожа пели и кричали во всю глотку. Наконец один раз поднялся страшный шум – наш киргиз полетел к табуну, а мы, выскочив из юрты, для острастки несколько раз выстрелили в воздух. Потом узнали, что двое подкрадывались к табуну, но, получив смелый отпор, бежали со всех ног. Однако один из сторожей все же был ранен.

23 июля

Окончив перепись, по результатам которой вышло: людей – 4000, лошадей – 15 000, коров, по причине падежа, очень мало, а баранов более 80 000, мы в 11 часов выехали. Сделав по меньшей мере 35 верст по дороге, усыпанной битым мелким и довольно крупным камнем, таким острым, что кони порой шли как по стеклу и часто спотыкались, мы остановились в ауле сиванцев, около источника, недалеко от высокого каменного взгорья, называемого Берик-Кара, то есть твердая черная гора. Во время поездки с вершины одной горы видели Аягуз – на расстоянии нескольких десятков верст. Наш переезд киргизы считают «полтора кочевья». Но есть кочевье большое и есть кочевье маленькое; первое – самое большое – от 25 до 30 верст; второе, когда идут ягнята, бывает не более 15–18 верст.

Приехав, узнали, что прошлой ночью барантачи, не сумев ничего украсть у семиз-найманов, увели здесь более десятка лошадей.

Прибыл джигит за девушкой и остановился невдалеке от аула под прекрасным, белым в голубые полосы, наметом. Удивили нас кросна, на которых делают ковры. Основа состоит из узких полос, растянутых на земле, а женщины вышивают ее, как канву, иголочками. Видели здесь очень красивую двенадцатилетнюю девочку: удивительно белая, с глазами редкой красоты; но ее происхождение очень подозрительно, потому что глаза сапфировые и не скошенные.

Вечером нас навестил поэт Тюбек. Семь лет назад он был прославленным у киргизов и своими песнями добыл себе значительное состояние; но болезнь совершенно разорила его: он стал нищим, и никто из соплеменников о нем не помнит, только Барак подарил ему верблюда, который и составляет все его состояние и перевозит его нищую юрту во время кочевья. Когда Орынбай, единолично властвуя на киргизском Парнасе, собирал обильные лавры (халаты и копей) в Аягузе, Барак хотел выставить на борьбу с ним своего земляка-сиванца и привез туда Тюбека. Но измученный страданиями, исхудавший, великий поэт должен был стать всего лишь немым свидетелем триумфа соперника, так как утратил голос и память.

Мы его спрашивали, как он сам себя расценивает в сравнении с Орынбаем. Без колебания тот отвечал, что как высшие классы, так и народ считают его выше Орынбая, потому что тот научился петь только их святую историю и поет о старых делах, он же рисует киргизов такими, каковы они сегодня. Пришел к нам, бедняга, жаловаться, что его единственного верблюда забирают «в подводы». И мы с благородством Александра Македонского, который приказал пощадить дом Пиндара, сказали ему, что, уважая его талант, запретим брать у него верблюда. Это его безмерно обрадовало, и, уходя, он попросил кусок сахара. Бедняга, голова его была обвязана платком, а под повязкой я заметил следы раны, которую он, может быть, получил во время баранты.

24 июля

Встали в 4 часа утра и сразу, сначала по голой каменистой степи, потом по пригоркам и долинкам, спустились к реке Аягуз, воды которой текут среди топей, верб и кустов. Мы с наслаждением приветствовали ее после сорока дней отсутствия. Утро было чудесное, воздух чистый, освеженный вчерашним дождем, пел жаворонок, и я пел вместе с Богданом:

Когда в горах рассветает денек,
А в долине серебрится роза...⁵¹ и т. д.

В действительности, роза не только серебрилась, но и золотилась от солнечных лучей. В отдалении, за рекой, предстала нашему взору довольно высокая Балтагора. Я пел себе, выехав вперед, стихи из «Гражины» и «Арки дружбы», был в сладком возбуждении, слезы стояли на глазах, их видел только бог. Только меня часто мучил конь, который все крутил головой и вопреки обычаю киргизских лошадей, которые спешат в гору сколько есть сил, а спускаются медленно, — он одинаково — с горы и в гору — летел как сумасшедший, что мне не очень нравилось, потому что упасть на острые камни или колючий карагайник совсем не хотелось. К счастью, после пятнадцати верст борьбы с ним мы остановились на берегу Аягуза, в урочище Удьяр, куда для нас сразу привезли юрты и одновременно прибыл султан, а также и волостной управитель киржинцев Джангир, сын Вали, у которого лучшие кони, и содержит он их как большой любитель: сам у них пастухом и никогда не продает. С султаном приехал и посланный за ним толмач Жеребятъев, который вчера после обеда с нами сделал 35 верст, а потом сразу полетел за 50 верст к Джангиру, а теперь с ним к нам приехал — верст, наверно, 30. Понятно, что он не спал ни минуты. Пусть бы здесь какой-нибудь кавалерист стал похваляться своими переходами! Просто страшно, сколько эти толмачи должны всегда летать!

С непередаваемым удовольствием пили мы чай из чистой воды, который велели изготовить по-европейски, не в большом общем чайнике, а в маленьком. Потом, поспав несколько часов, мы встали в великолепном настроении. Когда на дворе стояла страшнейшая жара, мы в тени развлекались болтовней о давних и милых делах. Около нас обнаженные скалистые горы, мы в долине, как в большом котле, над речкой, где собралась вся зелень и вся живность с этого местечка. Ни одного звука, кроме шуршания Аягуза, едва ли до половины обмывающего камни, между которыми в глубоких ямках водится маринка. Казаки поймали несколько больших маринков и молодых уток. В нашей юрте — долины и холмы, трава и цветы. Удивительно, что киргизы не заботятся об этом удовольствии в своих импровизированных жилищах. Виктор говорил мне, что знал только одного Юсуфа, сына хана Нуралы, который нарочно искал деревья, куст или цветущий лужок, чтобы окружить его своей юртой: на дереве развешивал оружие и радовался растениям вокруг себя. Когда он узнал, что к нему приедет пермский генерал-губернатор, то поставил к его приезду три обширных юрты, обнимающие такие красивые природные места, что внутри они имели вид искусно устроенных садов.

Под вечер наши окрестности оживились мычанием коров, так как стягивались аулы со своими стадами и начали размещаться над Аягузом.

⁵¹ Стихи Богдана Залесского, польского поэта — современника Янушкевича.

Султаны как бы составляют особый класс – аксуйек (белая кость) [29] и считают, что ведут происхождение от древних ханов, а именно от Чингисхана. Простые киргизы делятся на роды (ру) [30], а те на отряды (тайпа) [31] и отделы до бесконечности. Джагалбайлы, например, имел двенадцать сыновей: Манутана и других, значит, род джагалбайлинский разделился на тайпы: манутанский и т. д. Но Манутан тоже имел детей, от которых снова пошли разделы, носящие имя своего предка, как тарактинский и т. д. Старшим всегда оказывают почет. К потомкам Манутана потомки младших сыновей Джагалбайлы относятся с большим уважением, иногда даже в их присутствии не смеют сесть. Потомками Магомета называются ходжи, они не принадлежат к другим родам и очень уважаемы.

Вечером у нас был Вали, отец нашего хозяина, который, ведя патриархальную жизнь, не имеет склонности к урусам. Только один раз был в старом Аягузе и раз в год выезжает для встречи с генералом, но, видимо, привлеченный громкой славой Виктора у киргизов, а может, записью своих коней, захотел нас навестить. Войдя в юрту, после обычных коротких комплиментов сразу обратил внимание на наши постели, ружья и другие вещи. Удивился, что сменили Каная, и сказал без стеснения: «Вам, значит, нужно таких, которые крадут, а его убрали, потому что он был самый честный человек». Спрашивал, как называют старших султанов в округах, поскольку он далек от всякой степной политики. Во время чаепития сахар клал не в чашку, а в карман, наверняка для госпожи султанши.

Только мы легли спать, как в ауле поднялся страшный крик, смешанный с лаем псов; мы подумали, что снова пришли барантачи, но на этот раз опасность грозила не лошадям, а баранам, так как к ним подкрадывался каскыр (волк), которого отогнали криком.

25 июля

Добавив в кумыс меду и несколько изюминок, можно сделать через несколько дней такой сильный напиток, что с двух чашек станешь пьяным.

Сегодня начали перепись населения, целый день были заняты, еле нашел минутку, чтобы написать несколько писем друзьям в родной край.

26 июля

Результат работы показал: юрт – 653, мужчин – 1341, женщин – 1082, лошадей – 5754, коров – 1334, баранов – 24 563.

Виктор рассказал нам следующий анекдот: один татарин прибыл в аулы прославленного в Малой орде разбойника Бекмурзы и хотел продать свой товар. Тот, увидев у него нанку, спрашивает, почему продает. Татарин говорит, что за столько-то аршин берет барана. «Что мне там твои аршины, – ответил киргиз, – я этой меры не знаю, ты лучше мне скажи, сколько возьмешь за нанку, если опояшешь озеро, которое лежит перед нами». Татарин сказал столько-то. Бекмурза приказал дать ему сто ударов камчой и обвести нанкой озеро, потом дал ему одного барана и сказал: «Видишь, я тебя не граблю, а покупаю у тебя; теперь, если хочешь, можешь торговать в моем ауле». Татарин, надо думать, как можно скорее дал тягу, будучи рад, что все на этом кончилось.

Один из киржинцев, занесенный в нашу перепись, называется Полковник, а так как Виктора здесь все титулуют полковником, между ними поднялся большой смех при упоминании этого имени.

Когда Виктор, будучи еще солдатом, скитался по оренбургской степи, был у него друг киргиз из чиклинского рода, по имени Исан Райюдилов, когда-то бывший богатым и выполнявший обязанности караванбаши, потом получивший от правительства чин сотника и медаль. Он, видя, что Виктор в Оренбурге носит солдатскую шинель, а в степи наряжается, как другие офицеры и чиновники, не мог понять, какой у него чин, и как-то раз спросил об этом. Виктор ему искренне признался, что он солдат. «Значит, я старше тебя чином?», – спрашивает киргиз – «Старше». – «Почему же тебе дают поручения, и важные, а мне – нет?» – «Потому что ты глупый, а у меня винтиков в голове больше, чем у тебя». – «Если так, то купи у меня чин и медаль. Как другу чин отдам за кобылу, а медаль – за пять коней».

Один раз Виктор ездил с ним в Мугоджарские горы. Не найдя аул на том месте, где надеялись его найти, они, голодные и измученные, были в полной растерянности. Тогда Виктор говорит Исану: «Я останусь здесь, на этой горе, а ты поезжай поищи аул». Тот пустился с места вскачь. Немного отъехав, поднял нос вверх, понюхал, не услышит ли запах дыма, а потом поскакал дальше. Но вот наступил вечер, и ночь пришла, а его все нет и нет. Чтобы провести ночь в безопасности, Виктор спустился в овраг, а наутро воротился на то место, где наконец к полудню дождался Исана. В первом порыве нетерпения Виктор напал на него и начал камчой охаживать. Киргиз во время всей этой операции молчал, а потом вымолвил: «До аулов очень далеко, пожалуй, только завтра туда доберемся». Поехали, не входя в дальнейшие рассуждения. Под вечер на привале Виктор заснул. Проснувшись, заметил, что Исан тем временем разложил костер и согрел чайник. За чаем настроение его улучшилось, и он стал отвечать. Постепенно завязалась беседа. Тогда Исан сказал: «Ты безмозглый, и больше ничего. Скажи, хватило у тебя ума бить меня, киргиза? Ты спал, я тебя мог убить, взять твоего коня и уехать. Твое счастье, что я к тебе привязан, как к своему ребенку; но послушайся моего совета: никогда не обижай киргиза несправедливо, потому что он долго помнит о несправедливости, и не каждый будет Исаном». С той поры их водой не разольешь.

...Привязанность Исана к Виктору началась в то время, когда он, едучи с ним, упал с коня и сломал ключицу. Заботливость, с какой Виктор ухаживал за ним, пробудила в нем глубокое чувство привязанности. Вылечил же его киргизский лекарь, который, кроме молитв, употреблял следующее средство: брал кусок шкуры от только что зарезанного барана, вырезал в ней дырку и, приложив к телу, прижимаясь к ней ртом, втягивал через дырку и стискивал болящее место, потом этот кусок шкуры к этому же месту клеем приклеил и отнял только через много дней, когда больной совершенно выздоровел.

Киргизы очень долго выдерживают голод, так же легко они переносят холод. Известно, что в декабре тридцать барантачей, угадав на сильное сопротивление, сами были совершенно обобраны. Противники оставили на них только рубашки и дали огниво на дорогу, а до аулов 150 верст. Они спасались, собирая сухую полынь, торчащую из-под снега, и зажигая из нее костер, около которого, скупившись, обогривались. Когда один костер догорал, несколько человек бежали вперед и собирали другой. Так они преодолели огромное расстояние в сильный мороз. Умер только один, другие поотмораживали ноги и руки, но так несерьезно, что вскоре вылечились.

Нас посетил отец Джангира со своим братом. Спрашивал, из какого мы народа, и когда узнал, что мы – поляки (пелек), допытывался, что это за люди, берут ли в жены татарских дочек и т. д. В его семье все мужчины красивые, но разумом не выделяются. Сын немного умнее, чем отец. Старого безмерно заинтересовали сернички, чуть не лопнул со смеху, когда ему Виктор представил, как было бы здорово, подкравшись темной ночью к табуну, только прутиком потереть по одежде и выбирать лучшего коня. Старик простился с нами, вдруг вспомнив что около его табуна видели воров, поэтому он должен спешить, чтобы принять меры предосторожности.

Был также у нас 80-летний старец, который, когда мы приказали дать ему кумыса, произнес над ним такую молитву: «Аллах! Сохрани людей от войны, огня и голода; множь их стада и одари вдоволь кумысом; а на того, кто мне его подал, пусть снизойдет твое благословение, пусть у него будут тысячи коней, скота и баранов».

27 июля

Отлично выспавшись, выехали с места в 4 утра. При восходе солнца в долинах полегли туманы, а когда позднее разошлись, начала одолевать жара. Перебравшись через речку, долго ехали то под гору, то в гору, как по морским волнам. Повсюду землю покрывает раскрошенный камень, и только карагайник зеленеет на сухой поверхности степи. Перед моим конем проскользнула змея в полтора локтя длиной, но убить ее мы не смогли, так как она скрылась в норку. По этому поводу ташкентец, едущий с нами, рассказал, что этой весной его работник встретил саженого айдагыра, короля змей, падшадая джилан, белого, как молоко, погнавшегося за работником. Тот, хоть и был на коне, испугался и ускакал. По мнению ташкентца, если бы он бросил перед змеей свою рубашку, а та проползла бы по ней и оставила след своего зуба, работник был бы всю жизнь счастливым, стал бы большим богачом.

Мы счастливо доехали до аулов баубек-сиванов, старшины которых выехали нам навстречу и, сойдя с коней, приветствовали Виктора. Приехал также молодой, очень приятный, с красивым носом и аристократическими ушами (по заключению Али, паши Янины, в воспоминаниях Байрона), сын султана Джамантая. Юрты нам поставили у слияния рек Коп и Аягуза. Вокруг сухие нагорья, а зелень – вербы и кусты – только над водой. Вскоре нас приветствовал и сам султан, волостной управитель, Джамантай Ропин. Он два месяца не был дома, сопровождал нас до Ала-Тау, а оттуда ездил в Китай, к султану Долонбаю, и только возвращался из этого путешествия. Я хотел посмотреть, какова будет его встреча с сыном, которого он так долго не видел. Его родительская нежность проявилась только в вопросе о состоянии табунов. Радости и чувств, привычных нам, ни крошки. Засел у нас, пил чай и только спустя час пошел к своим женам и детям, которых, наверно, так же приветствовал, как и сына, а жены должны еще были по обычаю пасть на колени и поднести руку к голове, оказывая этим знак почета своему господину. Рассказал, что случилось с нашим толмачом Черепановым, который, приехав к Сабeku, брату Долонбая, хотел отобрать юрту у одного киргиза. Сабек так угостил его палкой и камчой, что лежит бедняга, избитый до полусмерти.

Приехал к нам Сухоналимов и привез весть о том, что после нашего отъезда над Лепсой появился Кенесары.

28 июля

Гонец из Аягуза в 4 часа утра привез мне письма от матери, сестры и друзей. Прислали нам несколько арбузов; лучше бы булку хлеба! Сухоналимов уехал после обеда. Приступили к переписи населения. Джамантай Ропин, или, по записи, Ропеев, так нам отрекомендовался: «Я не хвастаюсь, но спроси обо мне, каждый знает, что я справедливый и не люблю воровать. Только одно против меня можно сказать, в чем я и сам признаюсь, – я скупой».

Ходил с удочкой на Аягуз. С большим трудом пробрались мы к берегу реки сквозь невероятно густые кусты и колючие растения и угодили прямо к лежбищу кабанов. На приманку из кузнечиков взялась такая большая маринка, что леска порвалась, и рыба с ней уткнулась. Под вечер сильный дождь охладил воздух. Ночью дождь принимался идти несколько раз.

29 июля

С утра было тепло, тихо, кропил дождь; позднее ветер и такой холод, что пришлось поверх летнего надевать ватный халат. Писал моим письма.

В здешней волости Секымбай играет такую же роль, как Танысбай у семизнайманов, а Токунбай у кереев. Прямо к чаю пришел султан с сыном. Спрашивал его, кто такой был Найман, их предок. Отвечал так: «Был какой-то народ, называвшийся ала-алаш (пестрога) [30], из которого вышло триста родоначальников, разлетевшихся позднее на все стороны. Между ними были Уйсун, Аргын [31] и Алчин [32], которые дали начало Большой, Средней и Малой орде. Найман был старшим сыном Аргына. Киргизы сюда пришли 170 с лишним лет назад, когда эти стороны занимали калмыки, которыми управлял какой-то их владыка, очень им нежелательный, потому что управлял плохо, бил, отбирал жен и дочерей. Калмыки его убили, и так как не могли договориться о том, кто ему наследует, начали междоусобную войну. В результате этого одна их часть (ойран) ушла в оренбургские степи, а киргизы и другие народы, используя слабость оставшихся, начали забирать их земли».

О происхождении султанов так говорил: «Кто-то очень давно имел дочь, единственную, которую всегда стерегла старушка. Когда они однажды сидели вместе в темной юрте, девушка увидела сильный свет и от его луча, как она сказала, стала беременной. Старушка этого света не видела, а когда все рассказали отцу, он приказал заточить дочку в золотой сундук и, запаяв его, пустил в воду. Сундук плавал три дня. Потом какой-то человек его увидел, вытащил на берег и не сумел иначе его открыть, как отстрелив один угол и потом отбив крышку. Найдя там красивую девушку, взял ее в жены, хотя она и просила, чтобы ее не трогал, он этого и слушать не хотел. Через короткое время родился сын, и этот-то сын – плод луча света – стал родоначальником султанского племени [35]. Однако этот рассказ не совсем точен, – добавил Джамантай, – зато верно, что все мы исходим от Чингисхана, хотя кто он был, где и когда кочевал, не знаем. Есть Чингистауские горы, но был ли он в них, кто может знать? Ким биледы? Должен же был какой-то великий муж этого имени кочевать в этих горах, если им дали такое название?»

Холодно, дождь, крик ночью. Оказалось: волк покалечил пса.

30 июля

Перепись окончена. Поскольку находимся в 25 верстах от Аягуза, мы с Виктором выехали вперед, чтобы туда захватить. После 48 дней житья в юрте снова

увидели крыши, женщин нашего племени и – преферанс. Аягуз показался нам изменившимся: все пожелтело, воды в реке почти не осталось.

Разговаривал с доктором Абакумовым, который рассказал мне много любопытных вещей о посещаемой им степи. Записываю некоторые детали. В Тарбагатае часто бывают землетрясения. Длинные белые змеи совершенно не ядовиты, опасны только черные, короткие. От их укуса единственное средство – сильно перетянуть тело выше укушенного места, а само место вырезать и прижечь Фаланги, как и тарантулы, в этом климате не опасны, укус скорпиона причиняет горячку только на одни сутки.

Неподалеку отсюда, к Кокбектинскому округу, есть халцедоны, топазы и опалы. Тростники, окружающие берега Ала-Куля, киргизы часто умышленно поджигают, чтобы выгнать укрывающихся там кабанов и тигров, которые наносят большой урон именно во время зимних кочевков. Длина Балхаша – 450 верст, а в самом широком месте – от 150 до 200 верст. Зимой замерзает, но во льдах часто бывают большие трещины. Один топограф ночевал на замерзшем озере, когда вдруг послышался устрашающий гул, в нескольких десятках шагов от него лед расступился на десять сажен. Щель была длиной в 15 верст, глубину измерить не удалось.

31 июля

Весь этот день мы пробыли в Аягузе и похоронили комиссара Куробиева. Духовного при похоронах заменял унтер-офицер пехоты, которая прибыла из Семипалатинска и стоит в юртах. День был теплый, но ночью замерзли дыни. Блохи и клопы не дали нам спать.

1 августа

Утром почтарь с Лепсы привез весточку о Кенесары. Он стоит между Коксу и Караталом. Прибыв туда, велел сразу дать ему базарлык в 2000 баранов и пригрозил, что если не дадут добровольно – будет плохо.

В 11 часов мы двинулись в путь. Ехали мимо Агадырского пикета, потом через реку Калкатты, оттуда Чингистаускими горами прямо до реки Сасыбулак, где, пройдя 60 верст, стали на ночлег под открытым небом. К утру было дьявольски холодно.

2 августа

Проехав более 20 верст меж сухих каменистых гор, мы сделали привал над рекой Чет. Здесь нас встретил гонец, рассказавший о местоположении волости Барака, до которой пришлось пройти еще около 20 верст, прежде чем мы ее обнаружили над рекой Коксала.

Барак принял нас с радостью. Будучи в Китае, он специально к нашему приезду купил рис, из которого сразу велел своему повару приготовить пилав. Представил нам двух своих сынков, старшему около 12 лет, обручен с дочкой Сабека, султана байджигитинцев. Невесте исполнилось 20 лет. Сабек не взял за нее калым, да и вообще сам дает за ней приданое в 25 ямб, и зимой должен прислать ее жениху. Этот Сабек любит ямбы, уже их накопил 500 и все время продает баранов, чтобы складывать деньги в кубышку. У брата его Долонбая тоже 450 ямб. Оба мечтают перейти под наше владычество, лишь бы им дали землю.

Барак спрашивал нас, видели ли мы большой белый камень, лежащий на дороге к Агадыру? Когда мы ответили утвердительно, произнес: «Я принес его туда собственными руками, чтобы полковник, сломав свою арбу, спросил, кто тут положил такой огромный камень посреди дороги?» Действительно, этот камень (белый, как сметана, кварц), весящий несколько пудов, лежал сначала в двух верстах от дороги. Барак, сев на землю, втащил его себе на колени, потом на грудь и, встав с ним, принес его на дорогу. Он показал нам немного поцарапанные руки. У киргизов есть убеждение, что в этом камне находится золото, многие пытались его разбить, но напрасно.

Сперва женой Барака была одна из дочек Турсуна, сейчас он берет его вторую дочку и дает ему в подарок одного из самых знаменитых в степи скакунов, которого купил за три ямба у своего родича, владельца Бухары Усмана. Этого коня он держит в собственной юрте, боится даже пустить на байгу, которая скоро должна быть в Кокбектинском округе по поводу смерти одного бия. Там будут огромные ставки на выигрыш: первая – сто коней и верблюды. Гонцы уже облетают соседние округа, Аягузский и Каркаралинский, запрашивая гостей на эти праздники.

После полудня между некоторыми другими гостями был у нас ходжа, который, как ведущий свой род от Магомета, считает для себя оскорбительным общение с киргизами, ибо, как он говорит, «их мясо паскудное, а он – чистой крови...». Повсюду глупые претензии на высокое происхождение! Барак принес и читал нам генеалогию своих предков – султанов. Она у него в виде выписки из большой рукописной книги, находящейся у Турсуна, которому якобы прислана была из Турции. Исторические сведения Барака о приходе киргизов в эти края несколько сходятся с утверждениями Джамантая. Он также рассказывает, что лет около 200 назад киргизы кочевали в стороне Ташкента, около Азрета, отсюда под водительством Абдул-Магомета двинулись искать лучшие пастбища и, прибыв в эти места, ныне ими занимаемые, бились с калмыками, которых, наконец, изгнали. На мой вопрос, что их принудило оставить прежние места и не были ли они изгнаны каким-то другим народом, сказал: «Известно, что киргизы – народ беспокойный, любят все время менять места». Ногай, Казах и Киргиз, как он сказал, были три брата; а кто был их отец – не знает. Не знает также, кто был Едиге, которому насыпали курган на Улу-Тау. Говорит все же, что, кажется, Тохтамыш убил его, оба они были, вероятно, ногами.

Спрашивал об истоках их степного права. Первозданный шариат, по которому «голова за голову» и т. д. был уложен каким-то имамом еще до Магомета, когда жили еще в Аравии. Позднее же, когда прибыли сюда, бии, видя, что богатый мог бы обобрать целые роды бедных, придумали кун – теперешние айбы, и эти обычаи постепенно вошли в право. О Чингисхане никаких легенд: ни одна речка, ни одно урочище не называется здесь Каракорум.

Виктор, используя этот разговор, обратился к киргизам: «Напрасно вы свой род выводите из такого высокого начала; ваше действительное происхождение идет от трех братьев: волка белого, серого и черного. Ваша жизнь отдана только чувственности и убожению желудка, что всегда напоминает волчье начало». Они несколько этим не были оскорблены, долго смеялись и все разом напали на своего ходжу, что он, хотя и играет роль святого и хвалится происхождением от Магомета, но его предписаний не выполняет и ест что попало. Советуя ему поскорее идти в Мекку, они разошлись веселыми.

День был погожий и ветренный, под вечер похолодало, а ночь была совсем холодная. Целый день мы ничего не делали, потому что киргизы тянули и собирались медленно.

3 августа

Приятное утро, легкий ветерок. Окрестности очень скучные: невысокие горы сухие, лесов нет, деревья только в ущельях. Единственное, что оживляет, – вид рассыпавшихся вокруг коней и скота. Медведей тут нет, маралов много, но лишь зимой. Много зайцев.

Мы начали работу, пришел отец Барака, Салтыбай и без всяких церемоний спросил, не угостим ли мы его чаем. Это один из киргизских аристократов в канфовом халате, надутый, как павлин, а себе даже несчастного чая жалеет.

Приехал сын Усмана с толмачом, чтобы отобрать сбежавшую от одного из его родичей жену. В дороге на них напали шестеро разбойников, но они сумели удрасть.

Вечером кереец Жаксылык гадал нам на сорок одной бараньей косточке. Клад их на голову, сердце или ноги, потом молился, и выходило, что мы не поедем в Джетысу. Позднее пришел баксы, который говорил, что свое искусство наследовал от отца и деда, что дьявол у него на посылках, что он дошел бы до самой высокой степени искусства, если бы не мать, которая ему запрещает общаться со злыми духами, и если бы не один баксы, который у него отнял одного духа. Однако и теперь он может самого дикого коня привести в юрту и предсказать будущее. Когда мы захотели, чтобы он нам предсказал, когда мы будем в Омске и не пойдем ли против Кенесары, он обвинил несколько палочек тряпками, смоченными в жире, и, зажегши две из них, начал тихонько молиться. Потом зажег две другие и, держа их в руке, все время молился. Потом встал, зажмурил глаза, и, прохаживаясь, гневаясь, несколько раз призывал сатану повторить: «Праведное дело нравится богу». Наконец сатана вошел в него, тогда он стал издавать страшные крики и метаться по юрте, как зверь. Бросался между вещами, бил головой о кереге, откидывал ее назад и вперед, стуча зубами, крутился влево и вправо так быстро и сильно, что весь покрылся пеной. Наконец, постепенно замедляя движения, совершенно успокоился и сказал нам, что будем в Омске через семнадцать недель, куда пойдем через Каркаралы, потому что не видел никакого поворота в сторону на нашей дороге. А когда придет время жатвы, казаки и киргизы сядут на коней и пойдут на войну.

4 августа

После теплой ночи – прекрасный день. Известие об отъезде Нюхалова в Омск. Письма от Януария и Павла.

5 августа

Доброе утро. С восходом солнца пришел Барак и, видя, что Виктор еще спит, лег себе в юрте ожидать, когда он встанет. Используя это время, я писал Януарию.

Окончили перепись в Джанбубек-Сиванской волости. Юрт – 1138, населения – 4500, коней – 11255, рогатого скота – 1823, баранов – 54 494. Выехали в 2 часа, места дикие, каменистые, источник Баканас. Ночевали в долине над речкой. Вокруг горы, прекрасный вечер и такая тишина, какой я и не помню.

6 августа

С восходом солнца выехали в путь. Горы все выше, и природа все более оживает. Березы над рекой Баканас, по горам карагайника с большим удовольствием ехал на хорошем красном коне.

Вскоре мы встретили первые стада тобыктинских овец, а после девяти часов езды легкой рысью мы остановились в урочище Курдын-бойы у волостного управителя тобыктинцев Кунанбая Ускенбаева [36]. От него до Барака 90 верст. Здесь мы застали трех толмачей и четырех казаков. Сразу хлынул дождь и шел до ночи, стало невыносимо холодно. Кунанбай говорит, что 11 дней тому назад был ливень с градом величиной с верблюжий помет, который поубивал мышей и пташек, разогнал скот и на протяжении десяти верст лежал два дня и две ночи.

7 августа

С утра большой ветер и еще больший холод. Пальцы мерзнут. Только около полудня, – наевшись и выпив немного водки, я смог начать писать письма, чтобы отослать с толмачами.

КУРДЫН БОЙЫ, 7 августа. ПИСЬМО БРАТУ

Дорогой брат! Мы находимся среди Чингистауских гор. Это третьи горы, которые я посещаю в киргизской степи на протяжении двух месяцев; Ала-Тау, Тарбагатай и Чингис-Тау, азиатские сестры европейских Альп, Апеннин и Карпат, поочередно представляли передо мной все более низкими этажами, идущими с юга на север. Уже Тарбагатайские горы показались мне карликами в сравнении с Ала-Тау, сегодня Чингистауские рядом с Тарбагатайскими выглядят, как бараны, поставленные рядом с верблюдами. Но если первые захватили меня своим величием и разнообразным богатством своей щедрой природы, если вторые поражают путешественника своей дикой красотой, то последние для меня тоже имеют свою, не менее чарующую, прелесть. Ведь к ним навеки приковано имя Чингисхана. И это одно, особенно в моих глазах, поднимает их вершины и окружает лучистым венцом какой-то таинственной силы и величия.

Под впечатлением этого гиганта старой Азии, приехав в горы, носящие его имя, я искал следы, какие он тут оставил после себя. Но напрасно вопрошал я скалы и камни, покрывающие их хребет. Ни одного памятника, напоминающего о грозном возмутителе спокойствия, – ничто не говорит сегодня о его пребывании в этих краях. Я спрашивал многих людей, но и люди о нем знают столько же, сколько мертвые камни. Кочующий из урочища в урочище недавний пришелец в эти края – бесписьменный киргиз на все вопросы о своем прославленном предке отвечает «ким биледы?» (кто же знает?). Вот тебе слава человека, который обратился в прах столько государств, разлил по всему миру столько рек людской крови и, как зловеющая комета, оставил после себя на долгие времена в наследство голод, мор, тысячи бедствий, терзающих несчастное человечество.

Не думай, однако, что киргизы совсем ничего не слышали о Чингисхане. Наоборот, все, словно сговорившись, утверждают, что тут его зимние кочевья, а султаны, киргизская аристократия, в ряду своих предков-ханов с гордостью называют имя мощного владыки Азии. Султан Барак, о котором я писал тебе в письмах, читал мне свою генеалогию, которую по моей просьбе приказал переписать для меня

своему секретарю, исполняющему у него одновременно обязанности муллы, придворного, кухмистра и учителя сыновей. Генеалогия эта начинается от Адама, и далее, в череде веков, цепляя на своем развесистом древе имена патриархов, пророков, Магомета, калифов, Чингисхана, заканчивается на последнем хане Средней орды [37]. Прочитав ее, он скромно сказал: «Если правда, что тут написано, то мы в родстве с императором китайским, бухарским, турецким и российским».

– И со мной, – добавил я, – поскольку я тоже происхожу от Адама ⁵².

Уже неделю мы находимся в Каркаралинском округе, составляем сейчас списки населения тобыктынцев. По дороге из Аягуза, где мы улаживали некоторые дела о корреспонденции с Омском, я имел удовольствие получить твое письмо от 30 мая, а сегодня, пользуясь отъездом тамошних толмачей, которые галопировали вместе с нами два месяца по степи, высылаю вам всем сердечные приветы. Вероятно, тебе покажется, что это письмо написано не слишком разборчиво. Это результат большого холода, я должен ставить букву за буквой. *Die schönen Tage in Aranjuez sind zu Ende...*» ⁵³.

Из дневника путешествия

8 августа

Все изменилось после нашего прибытия в Каркаралинский округ. С утра проливной дождь, и так холодно, что руки мерзнут. А что же будет дальше? Ужасный климат.

Перепись скота идет плохо. Повсюду крик на асесора В., который насолил киргизам во время предыдущей переписи. Ассессор – это страшное имя в здешних местах; матери, желая утихомирить детей, страшат их Ассессором. Когда мы сказали собравшимся в волости, что у них скота больше записано, чем они нам показывают, один из присутствующих закричал: «Куда бы мы этот скот поместили, если бы его имели? Почему Ассессор не приказал нам построить загородку для такого количества, которое внесено в реестр?» Приводили пример, когда, не веря какому-то киргизу, который имеет только одного коня, Ассессор обругал и пригрозил ему. Старшина, желая отвести грозу, сказал, что у него девять коней. Ассессор на том основании, что если указано девять, то может быть и девяносто, прибавил нуль. При переписи применял различные средства принуждения, за пирал по несколько десятков киргизов в юрте и держал там под стражей, пока они не стали сразу увеличивать цифры. Приказывал даже ставить в ряд девушек и считал их. Киргизы думали, что настал конец света или что их хотят брать в рекруты: маленьких мальчишек прятали под тундук.

Здесь в степи уже более десятка лет живет семипалатинский мещанин, женившийся на крещеной киргизке. Его сыновья хорошо говорят по-татарски. Он занимается производством кумыса, который развозит на все байги и поминки. Он нас навел и угостил своим кумысом. Никогда я такого хорошего у киргизов не пил: вкусный, чистый, без всякого неприятного запаха и такой сильный, что киргизы, как выпьют две чашки, уже языком не владеют, а мы, выпив всего по чашке, почувствовали себя сильно разгоряченными. Он делает его следующим способом: бросает в сабу несколько сухарей или горсть курта и, смочив кобыльим молоком,

⁵² Претензия относительно российского императора основана на том, что якобы единственная дочка Чингисхана вышла за тогдашнего российского царя. – *Прим. автора.*

⁵³ «Вот и подошли к концу прекрасные дни в Аранхуэсе...» (Шиллер. «Дон Карлос».)

оставляет такую закваску или дрожжи на четыре-пять дней. Потом наливает туда кобылье молоко и сохраняет как можно дольше, если жарко, то держит на холоде. Перед употреблением процеживает кумыс через чистую тряпочку и никогда не выливает до густоты. Киргизы этой осторожности не соблюдают, отчего осадок чересчур прокисает и наливаемый в него новый кумыс приобретает плохой вкус.

Приехал волостной управитель Мумбетей-Тобыктинской волости султан Шалгымбай, молодой человек, имеющий, как видно, маловато шариков в голове и небольшой у своих авторитет, а в остальном – *bon enfant*⁵⁴.

Толмач Хохлов ручался нам, что в Джусенбай-Чекчеканской волости есть баксы, который садится в раскаленный докрасна котел и играет в нем на кобызе; взяв самого дикого коня, въезжает на нем в юрту и управляет им, как хочет. Увы! мы не застали прославленного чародея: поехал в Аягузский округ, и моя надежда удовлетворить любопытство угасла.

Кунанбай таким способом лечит своего ребенка⁵⁵, страдающего сейчас страшными болями в желудке: зарезал черную козу и, намазав ее жиром голубой поясок, обвязывает им живот; жир этот втирается также в тело. На мой вопрос, почему не позовет какого-нибудь баксы, отвечал, что не очень верит в их лекарства.

Он очень хвалит характер и особенно гостеприимство каркаралинских киргизов. Говорит, что если к ним хотя бы трое или даже двое гостей приедут – сразу режут барана, чего нет в других сторонах степи.

Тобыктинские киргизы показались мне совсем иными, чем аягузские: лица по большей части длинные, носы длинные, скулы выдающиеся, кожа желтоватая – некрасивые.

Окончили аягузские подсчеты и приготовили для отправки почтой. Во всех шести волостях: 52 000 коней, 11 000 голов скота, 283 000 баранов.

9 августа

С утра разошлись тучки, и заблестало солнце. Мы ожили. Наши толмачи и казаки поехали в Аягуз, отправил с ними свои письма. Ходил в окрестные горы: ах, какая же пустыня! Камни и сухие хребты, куда ни кинь взгляд! Все Чингистауские горы безлесны, из зверей больше всего лис и волков, и хотя они причиняют значительные убытки, киргизы на них капканы не ставят из боязни, как бы не покалечилась какая-нибудь скотина. Сурков нет, последний град побил множество мышей: те, что не поторопились удрать в норку, погибли.

Речки в Чингистауских горах текут в юго-западном направлении к Балхашу: Баканас, Калкатты, Крксала, Тайузен, Кур, Джайна; в северо-восточном направлении, то есть к Иртышу: Чаган, Доспол, Токрау, Байгара, Бокончи, Егизбалапан, Караул, Такыр, Мукур, Кундузды, Кос, Чар, Чет. В этих горах кочуют сиванцы и тобыктинские киргизы.

Недолго мы тешились погодой: снова громохание и проливной дождь. Нужно каждую минуту спускать тундук и сливать с наших бухарских ковров воду.

10 августа

Кунанбай рассказывает, что Тобыкты был сыном Аргына. О Чингисхане, или, как он говорит, Чингискане, утверждает, что здесь у него были зимние кочевья,

⁵⁴ *Bon enfant* – прекрасный малый (франц.).

⁵⁵ Вероятно, скорее всего Абая, который родился в 1845 году.

и в доказательство приводит то, что в одном дне хорошей езды отсюда есть гора Хан-Чингис, или Кан-Чингис, на которой еще его дед видел торчащие, а сам он – уже обвалившиеся восемь сосновых балок, которые, как говорит легенда, несли на себе ту таинственную комнатку, где страшный разрушитель перед каждым походом творил молитвы. Он был калмыком и жил 200 лет. О Каракоруме тут и не слышали. Происхождение киргизов (казаков) он объясняет так:

В Турции господствовал обычай, чтобы пестрых людей, то есть имеющих на себе красные, желтые или другого цвета пятна, выгонять из города. И вот появился один человек, потомок Якуба-пророка, пестрый (алаш), которого султан приказал изгнать. Изгнанный занимался грабежом, имея большую шайку бродяг. Потом так случилось, что любимый сын султана заболел и умер. Чтобы его воскресить, со всей страны собрались лекари, но ни один не мог этого свершить. Узнав об этом, Алаш пришел и воскресил султанича. Из благодарности отец дал ему диплом на тарханство, то есть дворянство. Алаш, однако, не остался в стране, а ушел со своей шайкой из Турции и через Персию продвинулся даже в соседство с Хивой, где он и умер. Его сыновья со своей шайкой, состоящей из трехсот человек, грабили хивинцев. Когда они стали кочевьем над берегами трех речек, владетель Хивы, желая их как следует побить, вышел против них сам с большими силами. Шайка, прослышав об этом намерении, выслала несколько своих самых умных и речистых биев, которые, одетые в лучшие одежды, двинулись навстречу разгневанному монарху. Когда тот подъехал, они сошли с коней и приветствовали его такими красивыми словами, и так долго, и так выразительно они ораторствовали, что хивинец, захваченный их красноречием и мудростью, закричал: «А! Так вы не каззап, а казаки!» (вы не баламуты, не разбойники, а хорошие люди, ибо казак означает – сильный, смельчак; когда кто-нибудь себя башковито проявит, говорят: а! казак!). Отсюда и пошло название казаков. А поскольку он их нашел кочующими над тремя реками, то сказал: «А, это вы три Орды: большая, средняя и малая!» Отсюда и три названия Орд. Хивинец хотел тогда отнять у них диплом тарханства. Позднее начали продвигаться все дальше, долго кочевали в Тургаях. Но когда расплодилось, стало им тесно, они захватывали разные стороны степи, выживая из нее калмыков. Дед Кунанбая также прикочевал из Тургая. Уйсун, Аргын и Алчин были зачинателями трех Орд, как их начальники. Но Уйсун шел от трех рек через Ташкент и задержался в Джетысу.

Пример разветвления киргизских родов можно видеть в здешних волостях. Например, в Кучук-Тобыктинской есть род кучук; у него два раздела – айдос и кайдос. Первый имеет разветвления: 1) менис, 2) иргизбай, 3) топай, 4) торпай, 5) джезыге; от кайдоса: 1) боканчи, 2) джунгубул, 3) бурсак.

Что касается султанства, Кунанбай приводит два рассказа: в первой повести был хан, потомок Чингисхана, Бердыбек, который от незаконной связи с какой-то девушкой имел сына. Этот, когда его отец умер, был малолетним, оставался под опекой одного бия, который управлял государством. Мальчик, став юношей, хотел убить своего опекуна и управлять сам, утверждая, что имеет на это права, как наследник. Но народ разгневался и не позволил, объяснив, однако, что признает его наследником, если у него есть три знака на теле, какие имел отец. Нашли у него один знак, но народ согласился и на этом и сделал его ханом. От него и пошли султаны, но они не любят, чтобы им напоминали этот источник своего происхождения, начатого бастардом.

Другая повесть рассказывает о том, что был у туркмен какой-то ворожей с одним глазом во лбу. Этот, придя к Аму-Дарье, пророчествовал, что приплывет что-то по реке. И действительно, товарищи, стоявшие обок, скоро увидели домик, который вода несла к ним. Уговор был такой: что внутри – то будет принадлежать ворожею, что снаружи – остальным. Чтобы открыть домик, замкнутый словно сундук, он отлил огромную пулю и, выстрелив ею, отбил несколько досок. Вышла хорошенькая девушка, но никак не хотела сказать, кто она такая, и пояснила, что она скорее даст себя убить, чем скажет, кто она. Позднее она досталась, совершенно невинной, казаку Домбаул-миргену [38], и от этого супружества начался султанский род. Эта повесть более древняя, чем первая, она немножко сходится с тем, что Джамантай толковал о девушке в золотом сундуке.

На мой вопрос о могиле Едиге [39] Кунанбай сказал: «Он был из рода Узбека и, поссорившись с отцом Нуралы-хана, вышел прямо на Кубань, где был какой-то хан, с которым он, собрав войско, удачно воевал и наконец создал себе государство между Сыр-Дарьей, Или и Чу».

11 августа

Окончили перепись, по которой оказалось: юрт – 1853, населения – 8000, коней – 22 000, скота – 2000, баранов – 155 000. Погода совсем установилась: пригревает солнце, из земли вылезают какие-то насекомые, особенно удивительны жуки на шести ножках, с длинным острым хвостом, с черными полосками вдоль тела.

12 августа

Выехали в 3 часа пополудни. Сопровождал нас Кунанбай с отрядом киргизов. Кунанбай ехал улаживать какие-то дела с мумбетей-тобыктинцами. Была такая жара, что Виктор, проехав три версты на лошади, спрятался в наш дилижанс, я еле удерживался на коне, которого все время кусали мошки. С Кунанбаем случился солнечный удар, и если бы не викторовский уксус, который на его бритый лоб и непривычный к нему нос подействовал немедленно, – остался бы он в степи. Виктор взял его с собой в арбу (так киргизы называют наш возок) и счастливо довез до первых аулов мумбетей-тобыктинцев. Приехав сюда вечером, мы с удивлением обнаружили семь юрт, приготовленных для нас. Причиной такого пышного приема был какой-то киргиз, который прибежал перед нашим приездом и сказал, что едет Виктор, а с ним много русских. Ночь была такая теплая, что мы спали под одним одеялом, без всяких дополнительных прикрытий.

13 августа

С восходом солнца двинулись с места, попрощавшись, как подобает, с Чингистаускими горами. Ехали все время большими каменистыми долинами, окруженными издали неизвестными холмами. Тут уже больше кустов карагайника, бересклета, высокой травы. В одном месте даже показался зеленый оазис, напоминающий сибирские гривы, и мне сразу вспомнилось ишимское время и наша охота. Вдобавок ко всему сорвалась куропатка и пролетела под самым носом у моего коня. Черные жаворонки взмывали над нашими головами.

В 11 часов нас встретила мумбетей-тобыктинская аристократия, наконец, нас приветствовал сам волостной управитель султан Шалгымбай, который поставил нам замечательную юрту с дверями, обтянутыми красным сукном и отделанными

бронзой в киргизском вкусе. Совершенно измученные ездой по такой жаре, мы питали сладкую надежду, что после краткой, данной киргизам аудиенции сможем приятно опочить. Но едва мы полчаса вздремнули, как нас разбудил густой и горячий ветер, нечто вроде сирокко, который при этом так тряс юрту, что она еле удерживалась на месте.

Место, где мы находимся, называется Акбас-Тау, от горы того же названия, стоящей отдельно от окрестных гор и сложенной только из голых белых камней на которых то тут, то там зеленеет куст карагайника.

Хохлов мне говорил, что в степи есть гора Дуль-Дуль, на которую когда-то на своем огневом коне въезжал киргизский пророк и, став на камень, предсказывал будущее. Камень до сих пор хранит оттиск конского копыта. Пророка звали якобы Азрет-султан.

Богатые киргизы посылают в Азрет останки, а иногда части тела своих близких. Так, дети славного Чона в Баян-Аульском округе вырезали часть тела из его ноги и, обвив дорогой материей, послали в Азрет, чтобы положить рядом с останками святых. Надо понимать, что все это сопровождалось превосходной жертвой сторожам святых мест.

Этот Чон [40] был большим человеком, но не султаном. Он жил в последние времена перед приходом русских в эти места. Разумом, справедливостью и энергией души он приобрел у своих такой авторитет, что имел большую власть, чем если бы был ханом. Сам карал преступников, часто даже смертью, подчас жестокой, именно раздиранием на части дикими конями. О нем есть предание, что будто бы, когда один отец пожаловался, что некий киргиз совершил насилие над его дочерью, он вызвал обвиняемого и девушку. Дав первому нож, другой ножны от ножа, приказал, чтобы этот вложил нож в ножны, когда она вертела ими во все стороны. Когда киргиз не смог выполнить задание, степной Соломон признал его невинным, а старого после морального и физического поучения отправил ни с чем.

14 августа

Кунанбай ведет некоторым образом двойственную игру: выдал нам много богатых киргизов, которые поукрывали своих лошадок и баранов. Дали бы они ему перцу, если бы узнали, кто нам помог открыть правду, или, точнее, приблизиться к правде.

Киргизы делят свой скот на две части: белый (ак-мал) и черный (кара-мал). К первой принадлежат только кони; к другой – верблюды и все домашние животные, которых на зиму загоняют в загородки. Конь всегда остается под открытым небом, за исключением тех случаев, когда он очень дорого стоит, и боятся, как бы его не украли. И тогда уже не хлев, а юрта самого хозяина служит ему укрытием.

Пес, как арам (нечистый), не имеет права входить в юрту. Но если это борзая да настоящая, которая доставляет своему хозяину развлечение и ловит лис, тогда он не отдаст ее и за десять лошадей, держит в юрте, даже спит с ней вместе. Пример тому, как стирается пятно собачьей «нечистости» по причине собачьих услуг, мы видели у султана Усмана в Джетысу.

Волосы, заплетенные в косички и висящие по бокам головы, означают, что это любимый ребенок. Маленькому заплетают родители, а позднее, когда дитя подрастет, все же продолжает носить этот особый знак родительской любви. Сегодня у нас был юноша лет двадцати с очень длинными косами.

Снова следы работы нашего предшественника, который при переписи одинаково не жалел ни пера, ни камчи. Одному киргизу, призывающему сейчас в свидетели всю волость, что у него ничего нет, Виктор показал реестр и сказал: «Как же ты ничего не имеешь, когда тут стоит 80 штук?» – «У меня было не 80, а все 400, только когда ты еще не родился, – вздыхая, ответил киргиз. – Сегодня у меня только пес, мой товарищ, и этот посох, на который я опираюсь».

У беднейших киргизов, если умрет отец семьи, происходит так: оставшаяся с малыми детьми жена чаще всего приходит в полную нищету. А если еще и оспа или другая какая болезнь вкрадется в юрту, то без помощи и опоры вся семья вымирает до единого человека. Часто так было: называем имя, а старшина отвечает: «И праха не осталось; умер, пропал, и места после него нет...»

Киргизы, даже очень богатые, много тратят на поминки. Кунанбай, например, оценивает последний обряд после смерти брата в 200 коней. Он зарезал 63 коня и 200 баранов, а что стоили призы для байги, сколько вышло сахара, чая, риса – того и сосчитать точно не может.

Пришел к нам просить милостыню нищий-киргиз. Виктор ему сказал, что, будучи сам у киргизов и поедая их баранов, он ничего не имеет, что ему дать, разве кумыса, если он хочет? Но с условием, чтобы он выпил четыре деревянных чашки. Он хотел испытать, сколько может выпить киргиз, чтобы удовлетворить голод или жажду. Наш киргиз нижайшим – прямо до земли – кулдуком поблагодарил за предложение и начал жадно пить кобылий напиток. Единым духом выпил три чашки, но перед четвертой остановился и после многократного «кулдук, аллажар, таксыр» начал отказываться от господского угощения. По нашему настоянию с явным отвращением он выпил остаток, выполнив условие до йоты. В награду мы угостили его бараниной.

15 августа

Утром ходил на белую гору и заметил, что она из алебастра. В расселинах растет можжевельник, но не такой, как у нас. Кое-где астры, колокольчики и карагайник. Отсюда за четыре ночи, то есть нужно четыре раза переночевать, прежде чем туда доедешь, лежит озеро Балхаш. Неподалеку от нашего становища начинаются равнины, которые тянутся до самого Балхаша.

Во время переписи пришел один молодой киргиз и, вытянувшись, как струна, снял с головы аракетин. Все засмеялись, а султан Шалгымбай сказал ему: «Видно, что ты недавно прибыл из-за Иртыша: русские чиновники тебя научили снимать шапку и вытягиваться по-солдатски».

Здесьняя волость сильно отличается от Кучук-Тобыктинской. Там, если кто солжет, Кунанбай скажет слово и замкнет ему рот; когда мы ели, все выходило, кроме него; тут же молодой Шалгымбай такого авторитета не имеет, и все, нужны они или не нужны, толпятся в нашей юрте. Много меж ними в дорогих украшенных тибетских халатах; видно, что здесь больше зажиточных, чем у кучуков, особенно аягузских. Ленъ и привычка к безделью у некоторых достигает особенной силы. Мы заметили одного муллу, человека, имеющего жену, детей, хозяйство, который с утра до ночи сидит у нас, даже ничего не говоря, хотя мы его записали в первый же день. Постоянная теснота, несмотря на отвернутый тундук, открытые двери и поднятые войлоки, создала такую духоту и невыносимые запахи, что нам плохо сделалось. Мы вынуждены были

попросить наших гостей, оставив только служилую аристократию, а нужных впускать по одному.

Между мумбетей и кучук-тобыктинцами чувствуется какая-то неприязнь, исключая даже правила гостеприимства, предписанные Кораном. Приехавшие с Кунанбаем должны ночевать во дворе, где допоздна громко беседуют у костра. Их даже куском баранины не угостили. Кунанбай должен был купить барана, чтобы они могли пообедать. Когда они ели, местные подходили к ним посмотреть, как едят, а те их бранили, укоряя в низости, говоря: «Приходите к нам, посмотрите, пожалеем ли мы вам куса мяса?»

Правила гостеприимства киргизы соблюдают по следующим причинам: к какому-то пророку, по имени Ибрагим, пришел голодный гость, а он его прогнал. Бог явился Ибрагиму и сказал: если его не накормишь – будешь проклят. Испуганный пророк побежал вслед за гостем и умолял вернуться, обещая везти его хоть на верблюде, хоть на своей спине, только бы он принял от него пищу и дал ему возможность этим загладить свою вину. Но гость не хотел воротиться и пошел дальше. Когда мы напомнили эту легенду Шалгымбаю, он объяснил свое негостеприимство к кучук-тобыктинцам тем, что сейчас у него полна юрта родственников и ему даже не хватает кошмы, чтобы подостлать им. Объяснение было бы неплохим, если бы соседи кучуки не вынуждены были покупать к обеду барана.

Кунанбай – это ну просто машина для говорения, часы, которые только тогда не идут, когда не заведены. Как только проснется, пускает в ход свой язык и говорит неустанно, пока не заснет. Каждую минуту приходят к нему киргизы за советом, а он, как оракул, который вещает со своего треножника, часто подперев бока руками; на каждые три слова цитата из шариата, а память у него такая удивительная, что все указы и распоряжения правительства приводит, будто по книжке читает.

Баканы, служащие подпорками чаныраку, становятся страшным оружием в руках женщин во время нападения на юрту. С криками мегер и фурий выбегают они с баканами против нападающих и обороняются смелее, чем мужчины. Часто они бросают под ноги лошадей своих детей или подставляют их под занесенное оружие, чтобы вызвать милосердие. А иногда, заслонив ими свою грудь, сами наносят удары. Если нападающие уводят верблюдов, цепляются за их шеи и так могут висеть несколько верст, крича, проклиная, умоляя о возвращении собственности.

Виктор это сам видел во время приготовления к хивинскому походу. Когда забранного было верблюда отдали, целовали его с радости, а в знак удовлетворения хватили землю и ели ее, благодарили со слезами и, заламывая над головой руки, кричали свое «кулдук». Наверно, это прямо страшный судный день, когда киргиз нападает на юрты, все ломает, бьет всякую посуду и всех поголовно истребляет. Как только один что-то схватит, а другой это видит – сразу предлагает раздел добычи; завязывается спор, который обычно кончается тем, что прекрасный халат или ковер бывает разодран пополам. Если увидишь в юрте половину ковра – это определенно добыча от баранты.

Страшными бывают картины пожара от огня, пущенного в сухие степные травы. Часто пламя охватывает юрты так быстро, что ничего нельзя спасти, взрослые едва успевают выбежать, а немало детей становятся жертвами огня.

Вспомнил, что сегодня у нас большой праздник и что в этот день в 1812 году я был в Слуцке, когда праздновались именины того, кто иначе и сильнее, чем

Чингисхан, потряс мир. Ах, как это было давно! Однако все очень ясно встало в памяти: и польские солдаты в костеле вместе с французскими, и комендант Ларош, и проповедь ксендза-доминиканца, и бал, с которого мы тогда поспешно выехали, получив известие, что Гертель приближается к Слуцку.

Я припомнил также, что сегодня годовщина того дня, когда в 1839 году был я с Густавом в степи, в окрестностях Ишима, и застала нас ужасная буря. Страшная это была ночь! У меня до сих пор при одном воспоминании о ней в ушах гремит и кажется, будто чувствую на лице секущие струи дождя, смешанного с грязью от земли, прикрывавшей сибирскую избушку, в которой мы нашли нечто вроде убежища. Сегодня мой старый друг по изгнанию и охоте спит, наверно, рядом с милой женой, а я скитаюсь по бездорожным степям; когда же я спрячу мою голову под родимой крышей!..

Писал письма Януарию и Густаву.

АКБАС-ТАУ, 15 августа. ПИСЬМО БРАТУ

В последнем письме, написанном из Курдынбойы, я жаловался на свирепый холод и уже боялся, что скоро наступит зима. Как оказалось, эта боязнь была напрасной: холод был результатом града и нескольких дней ненастья при северном ветре. Прекратился ветер, снова началась ужасная жара, сегодня мы опять радуемся прекрасной погоде. Даже ночи такие теплые, что спим только под одним одеялом.

Третий день стоим у подножия алебастровой горы, называемой Акбас-Тау, около источника отличной воды. Но здесь кончаются горы, которых мы столько повидали, и – что гораздо хуже – конец хорошей воде. Отсюда мы начнем спускаться на необъятные глазу равнины, в грустной перспективе у нас соленые источники, соленые озера и соленые реки. Чай будет заменен бульоном. Это бы невелика беда, если бы к нему кусочек хлеба! Но это теперь деликатес, о котором можно только мечтать, как о манне небесной.

Только здесь я узнал, на каком низком уровне стоит у киргизов прекрасный пол. В числе мужчин, прибывших в наш аул для переписи населения, пришла также одна женщина, заменившая своего хворого мужа и господина. Это бедное создание, войдя в юрту, понятно, с камчой в руке, скромно село в самом дальнем уголке. Когда нам подали чай и вся аристократия села вокруг наших китайских чашек, жадно поглядывая на любимый напиток, я спросил Виктора, не следует ли угостить даму? «А! Сохрани бог! – ответил Виктор. – Были бы смертельно оскорблены те, которых ты не угостил. (Не всех же можно угощать, потому что оскорбились бы старшины, если бы угощение коснулось племса)». – «Да разве эти люди, сидящие у двери, лучше, чем эта тихая женщина?» – «Разве ты еще не знаешь, – отвечал он, – что они ставят женщину ниже коня». «Как так!» – закричал я. «А вот так. Киргизы в следующем порядке ставят божьи творенья: человек, потом конь, после коня женщина, потом верблюды, корова, овца, коза и, наконец, самый несчастный – пес». Не очень-то хотел я верить в этот особый порядок, но спрошенные мною киргизы из лиц значительных полностью подтвердили слова приятеля с тем еще добавлением, что скорее отдадут девушку, чем хорошего коня. Пусть будет так, но что сказала бы на это госпожа Санд? А тем временем поздравь свою жену, что она не родилась в киргизской степи. Перешли письмо Густаву.

АКБАС-ТАУ, 15 августа. ПИСЬМО Г. З.

Дорогой Густав! После целого дня тяжелой работы, посвященной подсчету, записи и складыванию данных о киргизских конях, рогатом скоте и овцах, измученный, я бросился на свое степное ложе и, положив голову на подушку седла, чуть-чуть было не заснул сном сибирских крестьян, которые, известно, спят, как убитые, как вдруг вдали послышались голоса пастухов, сторожащих табуны коней нашего хозяина султана Шалгымбая... Голоса эти напомнили мне твои рифмы:

О, отдаленный звук казахской песни дивной!
 Меланхолический, как тишина полей,
 Дрожащий, как стрела, в полете непрерывном,
 Тоскливый, как печаль, о родине своей!⁵⁶

Спать было уже невозможно, ибо и звук киргизской песни, и воспоминания о тебе, словно электрическая искра, встряхнули мои нервы:

Ночь в свои звездные скрыла кошары
 Уснувшую степь...
 Друг мой, сломленный трудом,
 ...обессиленный,
 Как падающего камня инертная глыба,
 Всей тяжестью рухнул на землю.

«В юрте наступило глухое молчание»⁵⁷. Пользуясь этой торжественной и поэтической тишиной, я встал и, закурив сигару, взял в руки твоего «Киргиза», который из-за недостатка пулек лежал, заткнутый за кереге, рядом с моими пистолетами, камчой и китайской шапкой. Но каким же приятным было мое удивление, когда при виде слов, начертанных твоей рукой на первой странице: «В память о ночи 15 августа 1839 года...», я сообразил, что именно сегодня годовщина той страшной и памятной ночи в Бурлаковой степи, за которую мы чуть не заплатили жизнью, а точнее – здоровьем.

Это воспоминание окончательно прогнало мой сон, как сильный порыв ветра надоедливых комаров; схватил перо, час назад еще записывавшее джилкы, сивр, кой, – и вот летит к тебе неожиданное письмо из Акбас-Тау.

Но поскольку ты бы напрасно, даже с очками на носу, искал на карте ваших ученых географов мой Акбас-Тау, скажу тебе сам, что место это находится в киргизской степи Средней орды, в Каркаралинском округе, недалеко от гор Чингис-Тау; а раз ты не Митридат и не Меццофанти, мой долг объяснить тебе, что Акбас-Тау дословно значит: «Белая-голова-гора». Действительно, нельзя более удачно назвать эту гигантскую массу алебаstra, господствующую над обширной равниной, хотя никто из здешних номадов не знает, что это алебастр и что он собой представляет.

Сомневаюсь даже, что и сам Чингисхан, память о котором осталась в этих краях как отголосок далекого грома, в науке минералогии был более подкован,

⁵⁶ Поэма Г. Зелинского «Киргиз», пер. А. Жовтиса.

⁵⁷ Цитаты из поэмы Г. Зелинского.

чем нынешние киргизы, султаны которых гордо ведут свой род от него. Потому что не видно никаких штолен, говорящих о пользе, которую с древних времен могли иметь от этой горы. Властелин Азии вместо руин алебастрового дворца оставил после себя на горе Хан-Чингис только остатки восьми гнилых балок от высокой башни, на вершину которой восходил для обдумывания своих будущих завоеваний, и там, закрывшись на семь или восемь дней, молился и совещался – неизвестно, с богом или сатаной, – идти или не идти на войну против какого-либо народа.

История, может быть, вместе с тобой посмеется над аутентичностью моих чингисхановых балок; но я, побывавший в римских пещерах, где старый Нума встречался с молодой нимфой Эгерией для политических совещаний, и верящий в правдивость этого поэтического предания, всем сердцем верю и словам киргизского бая Кунанбая, который недавно рассказывал мне об этой башне.

В эту минуту над открытым чаныраком юрты медленно плывет месяц; алмазным огнем горят звезды на Млечном Пути; холодный воздух ночи наполняет атмосферу; аул спит глубоким сном, стихает даже лай псов... Поэтическая, шекспировская минута! Чувствую это и жалею, что не могу больше говорить с тобой. Морит сон, завтра надо рано вставать, садиться на коня (аттан!), поэтому прости и будь здоров!

Из дневника путешествия

16 августа

Наш молодой султан пришел сегодня с жалобой, что почти все его аулы откочевали, и просил дать казаков, чтобы привести их назад. Такова его власть!

Перемена в воздухе, предвещающая переход от вёдра к дождю, принесла с собой какую-то тяжесть во всем теле. Чтобы проветриться после нескольких дней сидения на месте, взял ружье и пошел по ручью, выбегающему из-под алебастровой горы и разливающему свои воды в долине, заросшей осокой. Каково же было мое удивление, когда, лишь только я ступил на вязкую луговинку, взвился дупель, за ним другой, третий, десятый!.. Паф! – по одному! Паф – по другому. Дупеля мои с криком улетели. Только тогда я вспомнил, что один ствол был заряжен пулей, некогда предназначавшейся тигру, а другой – большой пулей на волка. Раньше я бы рассердился на себя и на ружье, но теперь мне в голову пришла мысль: допустим, я бы имел подходящий заряд и убил бы даже дюжину дупелей... Что бы я с ними делал? Кто бы и как их изготовил? С чем их есть, когда ни хлеба, ни масла, ни даже повара у нас нет.

Хотя Шалгымбаю еще нет 25 лет, у него уже три жены; детей, однако, мало, потому что эти бедные создания, чаще всего не имея в начале жизни заботливого ухода, умирают. Когда я сказал Виктору, что Шалгымбай держит весь этот гарем скорее для помпы, как более богатый, чем другие, султан, тот ответил: «Где там! Для услуг. Кто бы доил ему коров и крутился по хозяйству? Разве ты не видишь, что они не любят нанимать слуг, и если какая женщина и служит у них, чтобы не умереть с голоду, то они с ней обращаются хуже, чем с собакой».

С Виктором произошла история совершенно особого рода. Уже несколько лет находился в этом округе старый ташкентец, ходжа, который, принеся из Азрета разные святыни, занимался по разрешению султана своим делом: одних проклинал, других благословлял, тем читал молитвы или раздавал освященные талисманы, – и

дела у него шли хорошо, потому что имел он разные «подношения» от киргизов. Его святость особенно выросла, когда он, оскорбленный одним киргизом, остановил у него во рту язык, да так, что тот уже три года слова не может вымолвить. Тем временем два других шарлатана пришли из Ташкента и с Кораном в руке, с запасом азретских святынь начали кружить по окрестностям и тоже собирать дань. Узнав об этом, наш ходжа, считающий себя потомком самого Азрет-султана [41], ташкентского святого, заторопился с другого конца округа и именно здесь встретился со своими противниками. Увидев их, начал ругаться и упрекать их за то, что они – бродяги, что присвоили себе право... обманывать киргизов. Старший из пришельцев, которому надоело это все, выхватил из мешка Коран и запустил им в лоб потомку Азрет-султана, а вдобавок схватил за бороду.

Последний плюнул на его Коран и, как умел, своей поросшей седыми волосами пятерней отплатил за поношение «святыни». И вот на ближайшем холме поднялся ужасный шум, увеличиваемый криком киргизов, обступивших поле боя. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы мы не послали привести противные стороны на наш ареопаг. И тут жалующийся и обвиняемый сразу заговорили в один голос. Когда старший из пришельцев докладывал о своем деле на словах, молодой тем временем развивал и показывал какую-то саженную грамоту. После долгих пререканий Виктор приказал взять двух новых ходжей под арест, как практиковавших без позволения местных властей и виновных в нанесении обиды старому ходже, который, обрадовавшись, сразу поехал молиться и наверняка проклинать своих противников.

Как только было дано удовлетворение бороде святого, Виктор вызвал арестованных чужеземцев. Это были отец и сын, последний снова развивал свой документ, написанный по-персидски и свидетельствующий о происхождении его отца от брата Азрет-султана. Было там и извещение о том, что они прибыли сюда с имамом, находившимся ранее в Семипалатинске. Дело пошло на окончательное расследование к киргизским властям. Любопытны образы обоих, особенно сына, своей лицемерной миной напоминающего наших иезуитов и итальянских аббатиков.

Спрашивал Кунанбая и некоторых других расторопных киргизов, правда ли, что старый ходжа отнял у одного киргиза способность говорить. Отвечали, что действительно так. Киргиза того зовут Айтпай, и он живет в ауле Шалгымбая. Он обманул в чем-то ходжу и, когда тот добивался восстановления истины, продолжал утверждать, что ни в чем не виноват. Тогда ходжа завопил: «Боже! Если я справедливо осуждаю этого человека за нанесенную мне обиду, скрути ему язык, чтобы в другой раз не произносил лжи!» Назавтра Айтпай онемел. Из всего, что при этом киргизы говорили о ходже, можно было заключить, что он человек не злой, не жадный, сам живет в нищете, а если что и достанет – отдает бедным, и, как говорят, имей он тысячу баранов – немедленно бы их раздал. Я спрашивал, почему он не возвратит речи Айтпаю? «Потому что зол на него и хочет его примерно наказать», – отвечал Кунанбай. Несмотря на всю свою разумность, он, очевидно, боится ходжи и верит в его таинственную силу. Виктор уверял его, что это невозможно, чтобы бог давал власть человеку по своему усмотрению чинить зло другим. Но это ни к чему не привело, он все время повторял, что ходжа при помощи своих святых может сделать все, что хочет. Как же этого рода людям не иметь влияния на общественное мнение!

Виктор рассказывал мне о киргизе, которого Виткевич возил с собой в Литву. Ему так понравилась наша страна, а особенно одна Антося, служанка родных его господина, что он захотел сменить веру, жениться и остаться. Но господин на это согласия не дал. Ходя по винокуренному заводу, он видел свиней, которые пьют брагу, и, судя по запаху, решил, что им дают водку. Возвратившись, говорил киргизам: «Вот это так страна! Свиньи пьют водки, сколько хотят, а потом, упившись, спят в грязи». Был там у кого-то конь, очень норовистый и злой, которого держали на цепи. Хозяин этого коня обещал ему несколько дукатов, если он на нем усидит. Киргиз без большого труда сел на коня, полетел на нем в поле и так на нем там резвился, что из страха, чтобы он коня не замучил, пришлось за ним послать, уверяя, что он вполне выиграл заклад.

Кунанбай побывал на значительной части побережья Балхаша. По его словам, в некоторых местах можно дойти до самого берега. Повсюду большой тростник, но такого толстого, как бакан, не видел. В холодное время года воду можно пить, и скот пьет ее, но в жаркие дни она совершенно не годна для питья. Вкус у нее скорее горький, чем соленый.

17 августа

С утра так холодно, что, еле согревшись чаем, в ватном халате я смог сесть за работу. После полудня пошел с ружьем, чтобы снова, как охотник, потешиться хоть видом дупелей. Нашел несколько еще ближе к нашей юрте, чем вчера, но, как и вчера, только постращал их гулом выстрелов. Некоторое время они крутились в воздухе, но потом попадали в болотце на другой стороне ручья. Не сумев ударить по льву, – ударил по мыши: убил трех куликов только для того, чтобы доказать окружающим меня со всех сторон киргизам, что мастерски стреляю из своего ружья, которое приводит их в удивление и вызывает крики: «Ой-бой! Апырым-ай!» И я собрал обильные аплодисменты. Один из зрителей, который, словно статуя, неподвижно сидел на своем коне, молниеносно подлетел ко мне. Угадайте зачем? А для того, чтобы предложить мне свой пшак и зарезать моих бедных куличков, давно уже мертвых. Не желая обидеть ни его, ни его Магомета, я достал из кармана (потому что у меня с собой даже сумки не было) птичек и подал их сидящему на коне киргизу. Перерезав им горлышки, он спросил меня, хорошо ли? И когда я ответил «жаксы», он вернул мне двух, а третьего оставил себе, как бы в награду за совершенную операцию. Не желая платить такой большой процент, я ему сказал, что эти «куш» предназначены для пулкундыка. При этих магических словах он сразу отдал мне пташку, и я с добычей триумфально вернулся в юрту, а так как мой пулкундык спал, то лег и я.

Умираю со смеху. Амалдык, наш импровизированный кухмистер, который сначала выдумал вместо жареной баранины какие-то галушки, сегодня выступил с пирожками, начиненными мясом, и, желая нам сделать большой сюрприз, тайно взял сахар и посыпал им свое изобретение! Мясо посахарил! Что бы на это сказал парижский Вефур или даже Мазур, варшавский повар? А он так гордился своей выдумкой, будто опровергнул систему Коперника!

Вечером ходили с Виктором на самую вершину Акбас-Тау. Оттуда открывается необозримая равнина, настоящее степное море. Мы заметили внизу киргизов, стоящих на коленях в ряд и возносивших свои молитвы Аллаху. Кунанбай со своими молился отдельно и один раз, выйдя вперед, долго держал руки вытяну-

тymi к небу. Пестрые халаты, однообразные движения всей толпы и ко всему этому тишина пустыни произвели на нас большое впечатление.

18 августа

Мы закончили работу. Под вечер киргизы начали разъезжаться во все стороны. Местность, до того времени оживленная, стала пустынной. Меня охватила такая тоска, что и об этих киргизах, которые мне так надоели, я пожалел, как о совершенно необходимых для моего существования. Все с нами простились, кроме самого султана Шалгымбая, который тоже рад бы расстаться поскорее, так как и ему срочно нужно откочевать подальше от окрестностей Акбас-Тау, дотла объединенных стадами. Он пришел к нам на чаепитие со своим младшим братом. Они являются потомками знатного рода, но небогаты. Падеж скота в 1811 году поубавил их состояние, позднее поминки по отцу и выдача двух сестер замуж еще его уменьшили. Поминки обошлись в 200 коней, каждой из сестер дали по 40 шуб, 40 ковров и 5 саукеле стоимостью в семь верблюдов. Отец Шалгымбая Биралы был сыном Тока, а тот – сыном Аблай-хана [42], после которого они даже наследовали туленгутов. В их числе находится и старый мулла, который еще помнит хана, а к его правнуку привязан, как к собственному ребенку, он и является его главным советчиком.

Аблай смолоду назывался иначе и был членом знаменитой семьи, кочующей в Хиве. Но, выкинув там какую-то штуку, он пропал «без следа» и где-то в акмолинских краях стал простым работником у какого-то богатого киргиза. Случилось так, что у того киргиза украли девушку, и, когда он ломал голову, как ее отыскать, Аблай взялся ее найти. Выбрав из стада несколько лучших коней, пустился в степь, на шестой день нагнал вора с девушкой и обоих привел к хозяину. С тех пор киргиз оказывал ему внимание, придел его, подарил ему куцию кобылу.

В это время собирался поход под водительством кипчака Срыма против дикокаменных киргизов. Аблай на своей куцей кобыле присоединился к отряду десяти воителей. Во время похода Срым приблизился к нему и сказал: «Почему ты – сын великого рода, а едешь на куцей кобыле?» «Ты ошибаешься, – отвечал Аблай, – я не сын великого рода, только простой киргиз, работник и ничего более». Долго Срым напрасно склонял его к признанию, говоря, что хорошо его знает, что у него обязательства в отношении его семьи, оставшиеся еще от отца или даже от деда, что хочет его отблагодарить и поставить на уровне, подобающем его происхождению; наконец, смягченный настояниями и просьбами, Аблай на третий день открыл свою тайну. Тогда Срым сказал ему: «Слушай меня, и я сделаю тебя великим человеком. Я завтра соберу военный совет, и когда я скажу свое мнение, как мы должны поступать, ты смело скажи, что мое мнение глупое, а когда я на это разгневаюсь, схватись за камчу и намерься меня ударить. Я буду убегать вокруг намета, а ты беги за мной». Так и случилось. Киргизы с удивлением вытаращили глаза, глядя, что какой-то недотепа посмел поднять руку на их вождя. Они все бросились ловить сумасшедшего. «Стойте, – закричал Срым, – это сын такого-то рода, и ничего нет удивительного в том, что он отважился так поступить». Потом киргизы уже с уважением поглядывали на рыцаря и его куцию кобылу.

В тот же день, приближаясь к врагу, Срым разделил свое войско на четыре части, и одну из них, караульцев, отдал Аблаю, научивши его *sub secreto*⁵⁸, как он должен поступать во время битвы. Аблай использовал этот совет, а по-

⁵⁸ *Sub secreto* – по секрету (лат.).

скольку и сам был отважен, он хорошо показал себя и приобрел большую популярность и славу. Позднее и собственные заслуги, и значение рода подняли его до степени хана.

Многие султаны выводили свой род от Аблая, что вполне естественно, потому что, как говорит старый туленгут-мулла, он имел несколько десятков жен, и ни одна не была бесплодной. Юрты, наполненные женами, стояли по десять в ряд, в первую он входил вечером, а к ранней молитве выходил из десятой. Назавтра по очереди – в другой десяток и так далее.

Имя Аблая в большой чести у киргизов: во время нападения на русских оно служит военным кличем, будучи заодно и воззванием к хану о помощи. Дорогу, которой он шел от Улу-Тау до Ала-Тау, почитают: она до сих пор носит название Аблайджол. У китайцев уважение к его памяти зашло так далеко, что некоторым его потомкам присылают подарки. Я слышал от наших толмачей, а им это говорил Кунанбай, что Кенесары [43], который также является потомком Аблая, снарядил в этом году из 200 киргизов посольство в Кульджу, напоминая, в силу каких-то давнишних договоров с китайским правительством, что нужно выделить ему места, занимаемые когда-то Аблай-ханом. Тамошние власти приняли его посольство хорошо, послали Кенесары богатые дары, но дело о местах предоставили решать правительству в Пекине.

19 августа

Холодным, здесь уже осенним, утром мы распрощались с Акбас-Тау. В ту самую минуту, как мы садились на коней, наши хозяева также собирались в дорогу, только в другую сторону. Госпожа султанша проводила свою кочевку на двадцати верблюдах, ее сопровождали две другие жены и несколько девушек. На первом верблюде высились фазаньи хвосты, а султанскую пику несла какая-то старая баба. Брат Шалгымбая показал мне пальцем на двух некрасивых девушек, одну из которых называл Жаксы, а другую – Жаман.

За холмами мы поехали равниной, рысью проехали три часа и наконец спустились в широкую долину, перерезанную неглубокой речкой, вдоль которой стояли аулы тарактинцев.

В дороге толмачи рассказывали мне о Джанаке, прославленном в этом краю сказочнике и певце, который недавно умер. За свои рассказы и песни он порой получал до ямбу и по несколько верблюдов, однако состояния не нажил, жил, как поэт: что имел, то и проживал.

Когда заговорили о Чингисхане, Измайлов сказал мне, что в верстах 40 от гор Чингис-Тау, в которых великий хан, идя в Бухару, два раза зимовал, есть место, где видны как бы следы юрт, обложенных вокруг большими каменными плитами. При более подробных расспросах оказалось, что эти плиты замыкали восьмиугольник, в котором был другой восьмиугольник из плит, так уложенных, чтобы грани плит приходились против углов первого восьмиугольника. Недалеко от этих следов находится нечто вроде военной крепости. Место это лежит между кучук и мумбетей-тобыктинцами, занимает пространство вдоль и поперек более 200 сажен и называется Канаугур, или, может быть, точнее, Караунгур, что просто означало бы пещеру, которой нет. Не тут ли был Каракорум?

Тарактинские аулы в 26 верстах от Акбас-Тау. Как только мы приблизились к ним, нас встретила, видимо, местная аристократия. Когда киргизы хотят кого-либо

встретить с почетом, то выезжают навстречу и спрашивают, позволит ли гость чувствовать себя байгой? Так напуганные местные власти принимали Ассессора, но Виктор от этой помпы отказался. У тарактинцев никого из султанов нет, кроме семьи Кеске Урмака-сына; но тот, замешанный в деле о преступлении против правительства, умер в заключении. Часть его родных сидит под арестом за другие дела на каркаралинской гауптвахте, а остальные кочуют вдалеке от своей волости для того, чтобы лучше сохранить в тайне участие в баранте. Нынешний волостной старшина называется Боктабай Даир-буйятрын. Самая богатая в волости – семья Тентека, так как имеет до 400 коней, остальные и сам волостной – беднота.

На всем, что нам попадалось на глаза, мы сразу заметили неприятный след беспорядка и нищеты. Волость небольшая, разбросанная, жители оборванные и грязные. Юрта [44], поставленная для нас у источника под скалистой горой, уже не белая и украшенная, а черная, тесная, с прогнившими кереге и в двух местах дырявая. Между коврами, все же брошенными под ноги, был один, исключительно красивый, несомненно плод баранты. Они удивились, когда мы приказали скатать его и вынести, чтобы не затоптать. Они не понимают такой деликатности, особенно помня Ассессора, который, как говорят толмачи, поразогнал бы их всех, если бы ему такую плохую юрту поставили. Нищета в волости давала себя чувствовать в каждой мелочи. Мы спросили, есть ли коровье молоко, женщина ответила «жок». «А если окажется, что у тебя есть корова?» – «Пусть я буду нечистой». Кумыс и айран жидкие, «шалап», как говорит Амалдык, который вскоре отрапортовал, что к нам на кухню принесли паршивых баранов.

Тарактинцы имеют репутацию воров, и такими нам их представил сам волостной управитель Боктабай. Киргизы обычно приходят на перепись в самых худых одеждах, чтобы легче было уверить, что они бедные и скота не имеют. Но здесь – что за нищета! Когда они собрались, можно было наблюдать настоящую картину шайки барантачей. Ни в одной волости не приходило столько женщин, замещающих своих мужей. У кучук-тобыктинцев мы видели только одну, у мумбетеев – двух, здесь я насчитал десяток. Все оборванные, в лохмотьях, одна некрасивее другой. Какая же причина этого заместительства? Как полагают Виктор и толмачи, муженьки по своему делу промышляют, потому что если бы были дома, то обязательно бы приехали, если не для переписи, то для удовольствия побывать на людях, поротозейничать, поболтать, а иногда и поживиться какими-нибудь остатками.

Киргизы, занимающиеся кражей лошадей, приобретают такую страсть к этому ремеслу, что часто, не имея на чем выехать в степь, одалживают коня с условием, что после возвращения дадут столько-то штук украденных. Случается, что надежда лопается, и предприниматель, обещавший кредитору двух лошадей, приводит лишь одну. Тогда он должен и эту отдать, а за другую отработать. Украденные кони, если их трудно спрятать, идут под нож, их прячут в казы, то есть в колбасы. Нигде не видно столько конских колбас, как у тарактинцев.

Нас уже давно стращали плохой водой, но до сих пор не можем жаловаться. У нас под боком колодец, в котором вода хороша даже для чая.

На заходе солнца мы с Виктором влезли на самую вершину скалы, находящейся возле нашей юрты. Прекрасный вид на окрестности и рассыпанные по ним аулы. Над нашими головами кружил огромный ястреб, как бы устраивая смотр долине. Вдали высятся горы Кокче-Тау и тот самый Тулпар, названный так по имени

скакуна Азрет-султана, который оставил на плоской и скалистой его вершине следы своих копыт. Наш волостной старшина говорил, что этих следов, очень заметных, около сорока. Название же горе дал Аблай-хан.

Если бы сюда привести какого-нибудь европейца, особенно обладателя стада, да поставить сюда, где мы, он бы обязательно закричал: «Что за бесплодная степь! Мои лошадки тут поумирают с голоду!» А меж тем эта долина, на первый взгляд такая сухая и голая, покрыта кустиками мелкой травы, называемой битеге которую киргизы очень ценят, а кони ее очень любят.

Закурив сигары, мы долго вспоминали о нашей юности, о родимых краях, об обычаях и удовольствиях нашей семейной жизни. Вечер был холодный, и царила такая тишина, что казалось, будто вся природа замерла... Грустно. Воспоминания быстро тускнеют без освещающего их лучика надежды.

20 августа

Около полудня пошел осмотреть окрестности над речкой. Вода там течет, наверно, только весной, а сейчас в ее ложе стоят рядком маленькие озерки и лужи, которые лишь кое-где соединены между собой ручейком. Птичек никаких не видел, только какая-то маленькая голубая птишка скользнула над водой и полетела в степь, и я уже не мог отыскать ее и рассмотреть получше. В аулах все без исключения юрты черные, старые, ободранные. Во многих, однако, воткнута пика – доказательство рыцарства, ограничивающегося кражей какого-нибудь коня. Около одной юрты женщины ткали широкие полотна; за кроснами сидела довольно красивая девушка, наполовину раздетая и не подумавшая при моем появлении прикрыть свои прелести. Припомнились мне таитянки и жительницы всех островов Тихого океана, где прекрасный пол также живет *an naturel*⁵⁹. Хотя они вообще не имеют одежды и не знают ни кумыса, ни айрана, судя, однако, по тому, что говорит Дюмон Д'Орвилль, кажется, их быт более приятен, чем быт киргизов.

Вот уже несколько дней, как мы стали выпивать перед обедом немного водки. Когда ее небольшой запас кончился, Виктор припомнил, что у него есть бутылочка китайской, привезенной из окрестностей Чугучака; сегодня мы ее попробовали – от четверти стакана у меня закружилась голова, но на вкус хорошая.

Наш кухмистер вчера заболел. Виктор дал ему рвотное, и сегодня он совершенно здоров. Мы спросили, что за причина болезни, не объелся ли чего? «Нет, – отвечал он – сердце старое». Пусть-ка попробует самый умелый доктор отгадать эту болезнь! Если бы можно было с помощью рвотного омолаживать старые сердца!

Многие из киргизов никакого представления о Чингисхане не имеют. Наш волостной, когда я его спросил, где тот умер, подумал, что я говорю о Юсуфе Чингисове, отце бывшего старшего султана, а о Чингисхане он ничего не знает. Я его спросил, знает ли он хотя бы, кто был предок Таракты, он ответил: «Там, там, там, далеко... кто его знает! Знаю только, что мы – аргыны».

21 августа

Ночью был дождь с ветром, голодные псы часто заглядывали в нашу юрту; я несколько раз просыпался и всегда слышал монотонную песню пастуха.

⁵⁹ *An naturel* – здесь: в чем мать родила (франц.).

Киргизы отсчитывают время с момента привязывания или спуска жеребят. В десять часов утра жеребенок привязывается коротко, чтобы не сосал матку, которую в это время доят; у богатых три раза доят, у бедных – пять, шесть и более раз. Каждый раз кобыла дает по хорошей чашке густого молока, доят же ее в кожаный кунек, то есть турсук с шейкой. В шесть часов или позднее, смотря по времени года, жеребенка спускают с привязи, вместе с матерью он идет пастись.

Вчера в 9 часов вечера к нам приехали будущие проводники-кереевцы: говорили, что, выехав после спуска жеребят, сделали два коча, то есть верст сорок.

Было уже 10 часов, когда мы уезжали от тарактинцев совершенно натошак, потому что они, решив, что мы выедем на рассвете, не доставили барана. Поэтому, взяв в карман один пряник, который оказался незапакованным, я предвидел грустную перспективу езды на пустой желудок через длинное пространство двух киргизских кочей. Но скверное чувство голода вскоре было вытеснено удовольствием езды на хорошем, белом, как снег, скакуне, которого я назвал белым орлом. Не могу себе объяснить, но всякий раз, когда мне случается мчаться по степи на хорошей лошади, я испытываю какую-то необъяснимую радость, приближающуюся, право же, к ощущению счастья, прихожу в прекрасное настроение, пою, сердце мое разгорается, растроганный, я вспоминаю всю мою семью, мечтаю, как во сне моей юности.

Дорога шла через солонцы, остатки бывшего когда-то озера, образовавшие рисунок всего озера с заливами, расположенными между высокими горами. Навестив возвышающиеся поодаль две могилы, въехали мы в ущелье, заросшее карагайником, терном и дикой розой. Плоды этой последней многочисленны и такого приятного вкуса, что, велев набрать их по горсти, совсем заглушили голод. И только теперь мы еле избавились от стаи псов, которая шла за нами от тарактинских аулов. Из ущелья мы выехали в долину, разрезанную речкой, которую мы видели у тарактинцев, покрытую кучками битеге и польнью с таким сильным запахом, что даже сидящим на коне казалось, что польнь у них прямо под носом. Тут несколько уток и пять дроф оживили глухую пустыню. Наконец, перейдя горы Джель-Тау, мы спустились в урочище, носящее их имя, и стали между холмами у источника Моингысу в Кереевской волости.

Великолепная юрта, богатые ковры стоимостью по верблюду, народу – тьма. Все это произвело на нас приятное впечатление. Только донимал голод, а баранина лишь мерещилась вдалеке. И тут входит ташкентец, торгующий в степи уже лет тридцать, прибывший в здешнюю волость со своим товаром месяц тому назад, пожелавший сразу по приезде Виктора почтить его. Он вносит чайник с чаем, а в платочке урюк, кишмиш и баурсаки. Лучше придумать было невозможно! Мы набросились на эти вкусные вещи и, хвативши по глоточку китайской водочки, так хорошо заморили червячка, что могли спокойно дожидаться обеда.

Тем временем подошли верблюды. Мы расположились на несколько дней и легли было спать, но, увы! едва полчаса мы успели вздремнуть: ветер, уже бушевавший в степи, лишил нас сна. Только мы встали и начали прогуливаться по нашему обширному степному салону, как ворвался тот молодой баксы, который у Барака жаловался на то, что какой-то коллега перехватил у него одного духа. Теперь он прибежал с жалобой на несправедливость суда биев по следующему делу: его сестра была обручена с киргизом из волости Кунанбая, она оказалась беременной, и он, как представитель семьи, поскольку отец умер, был приговорен уплатить жениху, соглашающемуся взять ее, айб, состоящий из десяти молодых

коней, трех жеребят-двухлеток, одного верблюда с верблюжонком и девять различных штук одежды. Понятно, что это дело, прошедшее через киргизское правосудие, уже не попадало под юрисдикцию Виктора, что не очень понравилось брату-жалобщику, который все время повторял: «Разве я виноват, что она подружилась с каким-то толмачом?» Бедняга прав, но что мы можем сделать, если таков закон киргизского шариата? Мне говорили, что по такому закону надо было бы даже больше взять, но Кунанбай со здешним управителем полюбовно договорились и согласились на самый умеренный аиб. В случае, если глава семьи не может уплатить его, все родственники невесты должны складываться.

К вечеру мы пошли посмотреть окрестности нашего аула. Небольшие холмы, ощерившиеся диким камнем; в долине, густо заросшей травой, источник. Вид грустный. Если бы не несколько аулов и не стада баранов – была бы это картина Палестины.

22 августа

На нашем чаепитии был Юсупбай, здешний волостной управитель, человек уже в годах. Вчера нас удивило, что, как обычно, на нас не напала толпа киргизов, хотя мы и видели немало их, сидящих поблизости на холмиках. Оказалось, что Юсупбай посоветовал им не тревожить Виктора поспешными посещениями и дать ему отдохнуть с дороги. Первый пример такой снисходительности у киргизов.

Редко в какой волости находится толмач [45], что создает большое неудобство; а если в своих путешествиях он и задержится где-то подольше, то малая от этого польза киргизу, так как он (толмач) больше думает о своих барышах, взятках за кое-как написанную бумажку, порой даже против их интересов, что, впрочем, часто бывает вовсе не по злой воле, а только из-за недостаточного знания толмачами киргизского языка.

Был у нас сегодня обед, каким мы давно не ублажали наши желудки. Ташкентец изготовил великолепный пилав с урюком и кишмишом. Это слово «пилав», или, точнее, «пилау», как выговаривают киргизы, видимо, не повсюду известно. Когда мы попросили ташкентца, чтобы он научил нашего кухмистера способу приготовления пилава, тот сначала не понял, о чем речь, и лишь тогда догадался, когда мы сказали «куруш», то есть рис.

Получили письма из Омска. Чудная вещь – получать письма в такой пустыне. Плохо то, что с ними пришел приказ генерала, чтобы мы уладили еще одно дело в Баян-Аульском округе, что может отнять у нас месяц времени и даст нам возможность отведать степной зимы. Покорно благодарю!

Воздух изменился, а с изменением воздуха и с генеральской депешей, понижающей нас холодом, изменилось и наше настроение. Бедный Виктор надеялся хотя бы в конце октября обнять жену и детей, а тут это новое поручение бог весть на сколько отдалит счастливую минуту. Я хоть и не оставил в Омске ни жены, ни детей и был рад покинуть его на все лето, и то с удовольствием мечтал о возвращении, обещая себе старательно обставить мою комнатку, украсить ее вещами, напоминающими о семье и друзьях, отдохнуть от трудностей многомесячного путешествия и заняться приведением в порядок моих записок; теперь же придется думать о том, как лучше уберечься от холода и не повредить здоровью! О! Будь трижды прокляты Карбышевы со всем этим делом, которое причиняет нам столько огорчений.

У киргизов, как об этом и Левшин пишет [46], власть родителей над детьми совершенно неограниченная до совершеннолетия, но позднее отец не имеет права без извещения и согласия детей продать имущество или отобрать уже им выделенное. Младший сын получает вдвое больше старших. Если есть три сына, тогда имущество делится на четыре части: одна для отца, остальные три для них, но только младший получает после отца наследство. Почетные знаки, как, например, награды правительства, медали и т. д., отдаются старшему для сохранения навеки в семье. Незаконные дети должны довольствоваться тем, что им отец даст при жизни. Однако в случае его неожиданной смерти бии присуждают им часть из оставшегося после него наследства, а если нет законных детей, то получают все.

Тот же Левшин пишет, что над берегами Каракенгира был дворец одного из потомков Чингисхана [47]. Я спрашивал здешних киргизов, но они об этом ничего не знают. Только некоторые говорят, что Каракенгир будто бы в Акмолинске. На моей глупой карте степи ничего нельзя найти. Должны там быть руины, и если они есть в действительности, то самое вероятное, что над этой речкой и был этот загадочный Каракорум.

Несчастья преследуют меня: нигде не могу поймать того знаменитого баксы, который может пробивать себя насквозь длинным ножом и вылетать в воздух через верх юрты. Надеялся застать его у тарактинцев – выехал. Прибываем к кереевцам – выехал! Боюсь, чтобы так не случилось и со слепой девушкой-поэтессой, которую нам обещают у туленгутовцев. А жаль было бы, так как Хохлов мне цитировал несколько ее стихов, действительно заслуживающих внимания.

Кереевцы были когда-то одними из самых богатых, но последний падеж скота ужасно подорвал их состояние. У них нет никаких султанов. Был один, да и тот откочевал из их волости. Нам это очень на руку, мы не будем страдать от назойливости этой аристократии, которая и сидит-то у нас только затем, чтобы напиться чаю и съесть кусок баранины.

Тут, видно, в большой моде армянина, так как почти все поголовно наряжены в халаты из этой материи.

Нескольким киргизам мы заглянули под их арачкины: почти у каждого глубокий шрам на лбу, у некоторых по несколько. Удивительное дело, как они могут выдерживать такие удары? Каждый, кого мы спрашивали о причине раны, говорил, что получил ее на память в погоне за барантчами. Ни один из них, конечно, на баранту сам не ездил?!

23 августа

Ночь была холодная, однако мы спали прекрасно. Только каскыр, подкрадывающийся к баранам, поднял большой шум, который сразу меня разбудил. Утро великолепное, кажется, обещает установиться погода.

За чаем беседовали с Виктором о способах улучшения жизни киргизов. В волостях, насчитывающих по шесть и десять тысяч жителей, нет никого, кто бы умел читать и поддерживать их отношения с Приказом. Нужно, чтобы в каждой волости был постоянный переводчик, человек порядочный, хорошо оплачиваемый, для которого нужно было бы построить домик. Обязательно нужно, чтобы каждая волость имела фельдшера, гораздо больше знающего и умеющего, чем только «пускать кровь» и «накладывать пластырь», обеспеченного аптекой и

жильем на зиму. Оспа, лихорадка, горячка, непрестанно губящие народ, ширятся и развиваются сейчас без всякой помехи. Киргизы, видя результативность лекарской помощи, понемногу начали бы избавляться от своих предубеждений, приобретать веру в медицину и отказываться от этих шарлатанов – баксы, мулл, ходжей. Простые средства много хорошего сделали бы сейчас, при этой сильной и неиспорченной натуре. Они не отказываются принимать лекарство из рук кафира, если доверяют ему. Ведь сколько раз просили его у Виктора, и мы знаем например, что такие врачи, как Соколинский, Ежиковский, которые сумели приобрести их доверие деликатным обхождением с ними и бескорыстием, всегда имеют полным-полно больных, приходящих за советом. Их даже вызывали и возили в отдаленные места.

Принимая во внимание, что главным богатством киргизов являются табуны и отары, надо бы в каждую волость прислать по несколько экземпляров животных лучших кровей; может, оправдало бы себя разведение у них тибетского скота, особенно тонкорунных овец и коз. Для лучшего управления нужно было бы, чтобы ел билеуши или волостной управитель, управляющий таким значительным населением, имел при себе совет, который вместе с ним занимался бы делами, входящими в его компетенцию. Судопроизводство пусть так и осталось бы, как есть, в руках биев. Видно, что настоящее положение вещей им во многом не нравится, так как самые разумные говорят: «Из того, что мы здесь кочуем, не делайте вывода, что мы довольны вашим правительством и чиновниками. О! Если бы мы знали, что на свете есть где-то уголок земли, способный обеспечить наши табуны и отары, мы бы все вас бросили, и следа бы от нас не осталось».

Эти нарекания стали уже гласом всеобщим, отражаются в народных песнях. Но и правда, что за чиновники тут бывали! Настоящие грабители, барантачи! Много дел проходило через мои руки, я мог убедиться в том, что они тут вытворяли! Как мое сердце болело, когда я слушал рассказы о том, как проводились первые переписи, которые по-киргизски называются «сан», что также означает «кусочек мяса». Почти каждый из этих проконсулов считал порученное ему дело только средством приобретения себе состояния. Прилетал, окруженный казаками, повергал в страх все окрестности и не брезговал никакими способами вымогательства. По его приказу табуны и отары стягивались в одно место, отстоящее от кочевий за 150 и больше верст. На дорогах оставались следы неожиданного похода: кобылы и коровы сбрасывали, верблюды, кони, овцы падали. Потом, при огромном сборище и давке, от недостатка корма и воды, падеж скота ежедневно увеличивался. Господин чиновник приказывал платить себе за то, что он не считал дохлых за живых. Приказывал платить за мнимое утаивание настоящего количества скота и за разные якобы милости, писал на глазах киргиза одни цифры, а потом, чтобы показать свое усердие в службе и отвести подозрение во взятках, прибыв в Приказ, подавал другие. А сколько, кроме того, стоило содержать и угощать высокого гостя! Баранов, приведенных на кухню, браковали без конца, не потому, что один был жирнее другого, но для того, чтобы от него осталась прекрасная шкура, черная или каштановая. При всяком случае – *ultima ratio*⁶⁰ – была камча, падавшая на плечи не только простых киргизов, но и людей достойных, волостных управителей и старшин. Один из этих грозных чиновников получил даже титул «Камчамайор» и до сих пор слывет под этим именем.

⁶⁰ *Ultima ratio* – последний решительный довод (лат.).

Киргизы так не привыкли к человеческому обхождению с ними, к справедливости, что, не сумев понять поступков Виктора, вчера спрашивали Амалдыка: «Скажи нам: он шутит или вправду такой к нам добрый. Это первый такой русский чиновник – не кричит, не бранится, не ставит возле своей юрты казаков с камчой, чтобы те нас отгоняли. Другие иначе поступали. Со времени, как мы родились, мы не видели, не слышали и не представляли себе такого русского чиновника».

Из Караул-Камбаровской волости прибыл к нам Джапалак, некогда знаменитый батыр, человек уже в летах. Лицо патриарха, глаза прямо огненные, изумительная белая борода. Он вошел в нашу юрту, когда мы отдыхали и, видимо, обманутый видом ковра, развешанного над моей кроватью для предохранения от сквозняка, принял меня за Виктора. А тот сказал мне, чтобы я какое-то время не исправлял его ошибку. Поэтому я спросил его: «Что там у вас говорят обо мне?» – «О тебе – отвечает, – говорят хорошо, но Ассессор – тот нам душу вытянул».

Я все более убеждаюсь в том, что у киргизов большие умственные способности. Что за легкость речи! Как умеет каждый объяснить свое дело и мастерски отбивать доводы противника! Даже у детей разум развивается очень быстро. Сегодня, когда я был занят работой, один мальчонка, сын здешнего богатея, все время сидел около меня и заглядывал в книгу. Мне было любопытно, чем все это кончится. Наконец он попросил у меня перо и написал что-то по-татарски для доказательства, что и он умеет писать. Он был очень счастлив моей похвалой его мастерства, да нажил я себе беду: с тех пор он еще сильнее стал опираться о мою кровать, толкая меня под локоть и, как лис в курятник, совать свой монгольский носик в мое писание. Узнал от него, что на днях он приведет себе жену. Что же было поделывать с таким ученым и женатым мальчиком, пользующимся всеми правами избалованного ребенка? Избавился от него одним пистолетом. Он не столько испугался выстрела, как поразился, когда я сказал, что это яд: он побледнел, и ему стало плохо.

У киргизов бывают иногда удивительные имена, или, точнее, прозвища. То мы встретили Полковника, а сегодня перед нами Капитан, другой Ясак, третий Пан. Когда пришла очередь проводить перепись в ауле некоего Чурчута, старика богача, который в смертельной вражде с волостным управителем, почти все его подчиненные высказались против него, потому что он их притесняет и что его семья хоть и богаче других, но не хочет выполнять никаких повинностей. Чурчут (что означает китаец) тоже не жалел упреков и просил переселить его в другую волость. Когда Виктор удовлетворил обе стороны, перенеся вельможного Чурчута в волость старшего султана, раздался громкий благодарный «кулдук» за этот справедливый приговор. А бывшие подчиненные Чурчута обратились с просьбой к другому старшине, по имени Пан, чтобы принял их под свое покровительство. Этот господин Пан, видимо, у них очень популярен, так как, когда он согласился исполнить их просьбы, они выказали живую радость и благодарили его, снимая не только шапки, но и арачкины.

После обеда приехали туленгутовцы узнать, когда будем у них. После обычных приветствий здешний ел билеуши так рекомендовал им Виктора: «Давно уже состоим под властью Паши, но до сего времени мы не видели от него человека – все, которых он нам до сих пор присылал, – не были людьми». Виктор на это ему: «Теперь меня в глаза хвалите, а потом, может, то же самое скажете, что об Ассессоре». «О, не бойся. Ассессор из нас душу вытянул, а ты у нас третий день

и разве причинил кому-нибудь обиду? Говоришь с нами, смеешься, шутишь, словно наш земляк. Народ около твоей юрты кричит, ссорится, может, тебе спать не дает, а ты не велишь казакам разгонять их камчой. Со времени, как мы вошли под власть России, не одна уже минула весна, не одно лето, не одна осень и зима, но такого приятного, хорошего и спокойного лета у нас еще не было. Ты наше ясное солнце. Ты нам приказал перекочевать поближе к тарактинцам; мы твоего приказа не выполнили, потому что там не было воды, мы боялись твоего гнева, а ты, вникнув после приезда в дело, нам и слова плохого не сказал. Как же нам тебя не хвалить! Когда мы над Лепсой были, кто нам был отцом и матерью, если не ты? Мы там были у своих, а они нас не кормили и не поили, а твоя юрта была для нас открыта: был в ней для нас и кумыс, и чай, и пристанище».

Ходили мы на прогулку и навестили кочующий магазин ташкентца. У него, кроме циновок, ничего нет. Возит с собой джоломей или кош. Какая-то дама из любопытства посмотреть на нас под видом покупки пришла в кош. С нею были две ее сестры. Одна подросток, другая дитя с прекрасными глазами. Когда мы угощали их урюком, дама приняла смело, а старшая из девчонок в рубашке и с несколькими туго заплетенными косичками, закрыв лицо рукой и отворачивая голову, вытянула другую ручку. При расставании дама пожала Виктору руку в доказательство своего удовольствия, а может, и готовности понравиться своими прелестями, которые вполне *passables*⁶¹.

Для киргизов большой стыд, если кто оставляет их волюсть и переезжает в другую, потому что это знак того, что жить вместе с ними не может. Юсупбай и некоторые другие из известных кереевцев просили поэтому приехавших туленгутовцев, чтобы поехали к Чурчуту и постарались отговорить его от переселения, хотя этот человек для них обременительный. Туленгутовцы сделали все, чему обязывал их обычай, но Чурчут не дал себя уговорить.

24 августа

Приготовление пищи – дело не женское, а если и удостоится женщина иногда этой чести, то берется за дело с большой боязнью, потому что, если в чем не угодит мужу, заработает камчой. Их обязанность – разложить огонь, вычистить казан и приготовить мясо. Потом мужчины сами готовят; а изготовив, садятся вокруг миски, а бедным женщинам достаются одни косточки, да и то одной только байбише. И все же они жалостливее мужчин. Пленные, которые бывали в неволе у киргизов, рассказывали Виктору, что, лежа связанными, не могли допроситься у мужчин куска курта или капли воды, а женщины украдкой давали им есть и пить, вставали ночью, чтобы мужья не видели, и приносили им кумыс.

Женщина, если кто-либо достойный уважения находится в юрте, должна сидеть и, опершись локтем на правое приподнятое колено, касаться рукой головы. Таким же касанием рукой головы она должна приветствовать всякого – и высшего, и старшего, когда встретит, ведя верблюда или едучи на коне.

Мы приобрели пса по имени Килякой. Имена у псов бывают: Мойнак, Ак-мойнак, Чулак, Акчулак, Карачулак, Каскабас, Джетькуян. Ел билеуши, видя, что мы кормим нашего Килякою, сказал: «Не давайте ему много есть, а то завтра

⁶¹ *Passables* – приемлемы (франц.).

есть не будет». Так они заботятся об умеренности собачьего аппетита, но свой совсем не умеряют. Вчера начали свой пост – уразу. Целый день не едят и даже не пьют кумыса, но ночью себя вознаграждают. Был у нас сегодня некий ходжа. Когда Виктор пригласил его к баранине, тот отвечал: «Я уже замкнул уста мои». Но не все в один день делают это замыкание: самые религиозные уже позавчера не ели; другие еще и сегодня уста не замкнули, особенно те, которые не хотят утратить мастерства поедания барана и питья чая у нас.

Погода изменчивая, дождь бывает по несколько раз в день, ветрено и холодно. Мы закончили работу. Завтра отсюда едем к туленгутовцам.

25 августа

После проливного ночного дождя с утра распогодилось. Выехали в половине восьмого. Время было прекрасное, только размокшая земля портила удовольствие от путешествия. Конь мой, хотя и иноходец несравненного совершенства, часто спотыкался и раз даже, когда шел с горы, упал на колени и чуть меня не сбросил. Ехали мы очень быстро, пролетели по генеральской дороге, ведущей из Каркаралов в Аягуз, на которой стояли прежние пикеты, миновали гористые окрестности и спустя четыре часа приехали к туленгутовцам в урочище, называемое Коксай или Узун. Принял нас их ел билеуши Худайменды, султан, который уже в степи, при упоминании об Асессоре, крикнул: «Чтоб он провалился за тридевять земель!»

Я давно уже слышал, что в здешней волости находится слепая девушка-импровизатор. Мы прежде всего полюбопытствовали, нельзя ли с ней познакомиться, и господин султан сразу же привез ее к нам. Ее имя Джазык, слепая от рождения, считает, что ей 20 лет, хотя она выглядит старше, и наверно, в действительности ей 29 лет. Лицо довольно привлекательное, немного тронутое оспой, нарумяненное. Попросив кумыса, она начала свое пение так: «Вызванная Бюлеком (полковником), пришла с радостью, чтобы воспеть его времена, благие для нас, не такие, как при Асессоре, которого проклиная трижды. Что только знаю, все спою, но прошу о снисхождении, потому что, пришедши на свет темной и не имея за 20 лет облегчения в моем несчастье, я не могу петь, как другие. Если бы не эта божья кара, была бы не хуже, чем другие...»

Мы попросили ее, чтобы она нам спела «Ала-Тау денсу», песнь, в которой рассказывается о временном пребывании ее рода в горах Ала-Тау. Вот что она спела: «Издавна занимали мы здешние земли, лучшие земли на свете, потому что нигде нет такого воздуха, такой воды, таких пастбищ, как в нашем Каркаралинском краю, нигде нет таких конских табунов, коров и баранов, таких керкей (коз) тонкошерстных, такого кумыса.

Жили мы свободно, спокойно, ни от кого не зависящие, под управлением наших собственных биев. Но нас начали угнетать султаны, эти каскыры (волки) ели нас, накладывая все большие подати... Чон не позволял им угнетать бедный народ, даже выгнал было их с Баян-Аульской земли. Но Чон умер, а султаны, желая нас обобрать и надеясь легче нас согнуть, начали сговариваться с урусам и, ослепленные блеском их золота, продали нас, невинных.

Урусы построили себе город в Каркаралинских горах, отобрали у нас все лучшие места для своих пикетов, поставили в них людей злых, чтобы держать нас в повиновении. Наши верблюды должны были волочить сосновые балки для

построек. Чтобы обложить ясаком, считали наших коней, скот и баранов. Где висел конский хвост – записали коня, на ком увидели лохмотья кожуха, не хотели тому верить, что не укрывает овец. А Джамантай, этот несытый богатствами корыстолюбец, еще помогал угнетать нас...

Задетые за живое таким притеснением, мы не смогли выдержать на нашей любимой земле. Медленно-медленно отдалялись мы от нее, и дорогой, залитой слезами, ушли прямо в Ала-Тау, в печальную страну нашего изгнания, ибо там все иначе: и воздух туманный, и горы такие высокие и крутые, что часто с них люди и кони падают в пропасть. И воды сумасшедшие, и злое насекомое бийю (тарантул), который, если укусит, человек верещит, как верблюд, и кумыс плохой, и корм плохой, и хуже всего – хищный сосед Садыр-Матай, который нам каждый день докучал.

Жили мы там, но все время вздыхали и тосковали по нашей земле каркаралинской. Тоска по ней принудила нас возвратиться, потому что нигде нет такого воздуха, такой воды, таких пастбищ» и т. д.

*Dulcis humus patriae!*⁶²

Смела наша поэтесса. На все отвечала разумно, с приятной улыбкой! Когда мы спросили, кто ее петь научил, сказала: «Бог меня обидел, но он дал мне дух; он вознаграждает меня за то, что я калека; пою, вдохновленная им». Пила с нами чай, это ей было дозволено, как несчастной, в то время как никто, даже султан, не смел нарушить пост и коснуться поданной чашки. После чая снова пела.

«Я слепая, обиженная, судьбой моей измученная, прихожу перед лицо великой особы и не могу видеть его блеска. Не могу видеть твоего светлого лица, Бюлеке! Потому что бог не дал мне очей; но у меня есть слух и чувство. Я слышу голос народа, что ты великий, разумный, справедливый, милостивый, опекун бедных и притесняемых. Смело приближаюсь к тебе, вхожу в твою юрту, как перо в чернильницу, сажусь около тебя, потому что ты между урусами несравнимый. Прибыл переписывать наш народ и считать наш скот. Ты приехал, а тебе навстречу вышли все: старики, женщины и дети.

Не так было, когда приезжал трижды проклятый Ассессор: все от него скрывались и убегали. Он приносил нам горе и слезы. Ты приносишь веселье и радость. Справедливый человек, поступай с нами так, как поступал с другими. Голос народа дойдет до слуха бога. Бог тебя на этой земле осчастливит детьми, состоянием, а на том свете приготовит тебе большую великолепную комнату для твоего отдыха. У меня нет глаз, не вижу божьего света, но сердцем вымолю для тебя благословение божье. Ассессор проклят всем народом, не будет у него спокойного сна, удачной дороги, слезы наши потекут за ним повсюду, высохнет он и сгинет; ты, благословенный всем народом, счастливо закончишь свое путешествие, вернешься к жене, обнимешь деток своих. О Бюлеке! Будь здоров и пусть все так будет, как ты желаешь!»

На вопрос, не споет ли она нам о Кенесары, отвечала, что еще не сложила о нем ни одной песни. Но, кажется, она солгала, так как было ясно, что киргизские старшины предостерегают ее тихонько, чтобы она не очень-то распространялась со всеми своими песнями, касающимися русских, особенно когда заметили, что строфы о Джамантае мы начали записывать. Даже вызвали ее из юрты и что-то ей там говорили.

⁶² *Dulcis humus patriae* – здесь: сладок дым отечества (лат.).

Обрадованная нашим гостеприимством и награжденная, она на прощание, выходя, еще импровизировала. Нас также немало заинтересовал ее талант. Все ее песни-импровизации рифмованные. Видна большая легкость владения языком, а в голосе слышится какая-то чудесная чувствительность, свойственная только женщине. Я слушал ее с волнением, какого не испытывал бы при пении самой знаменитой примадонны. Разгневался на мое незнание киргизского языка, тем более, что наши толмачи не в состоянии понять и перевести прекрасные поэтические выражения. Им песни Джазык даже кажутся запутанными и неясными. Но чего можно ждать от людей, которые никогда не читают! Но и они, однако, признают, что она выражает свои мысли очень сильно, с чувством, особенно потому, что в рифмах.

Султаны сразу оправдали ту характеристику, какую дала им поэзия: как только начали перепись, они за обязательство с нашей стороны записать за ними столько скота, сколько они сами скажут, обещали строго следить за правильностью записи у остальных. Просили только, чтобы остальные киргизы не слышали, какие цифры они называют! Что же удивительного, что народ их так не любит, если эти аристократы всегда и всюду заботятся только о себе.

Наконец-то мы отыскивали баксы, и именно здесь! Поздно вечером послали за ним, и вскоре он явился со своим кобызом. Когда он настраивал свой инструмент, а стоящие вокруг киргизы хвалили его мастерство, он сказал: «Не хвалите меня, а то шайтан не придет». Виктор сказал ему, чтобы «побаксил», как и когда мы закончим путешествие. Он начал пиликать и в долгом, все более громком и быстром пении, так что я не мог понять, как у него так быстро язык вертелся, вызывая разных богов, святых и ангелов, между которыми были Израэль и Гавриил. При пении он двигал плечами, отставлял от себя кобыз, украшенный побрякушками, и, наконец, ударив себя, словно ножом, по животу, повернулся несколько раз по юрте и сказал, что все пойдет как нельзя лучше, и через четыре дня мы получим приказ поскорее кончить работу.

Потом мы просили его, чтобы он нам показал какое-нибудь чудо, например, вылетел бы через чанырак. На это он покрутил головой и отвечал «жок», то есть что он этого не умеет, но добавил: «Дайте мне сто ножей (будучи уверен, что у нас столько не найдется), я ими поиграю». Мы скоренько собрали четыре ножа, которые он положил себе на плечи, приказал обмотать поясом и так, будучи как спеленатый, катался по юрте, а потом, достав из-под обвязки ножи, воткнул себе в тело так безвредно, что ни одна капля крови не пролилась. Видя, что он партач, я пошел спать, но образ этого шарлатана в красной шапке и с козьей бородкой, его дикая музыка и дьявольское пение, юрта, освещенная тусклым пламенем свечи, вся эта адская картина снилась мне всю ночь и мучила, как горячечный бред.

26 августа

Встал в 7 часов с головной болью. День прекрасный. Наши окрестности – огромная равнина, заросшая высокими вьюнками и мелкой травой. Кое-где в низинках вода, но нехорошая. Вся эта равнина была дном озера, потому что и наносы явно глинистые. В нескольких местах горизонт закрывают горки, из которых самая большая называется Темирчи, что значит «железная», хотя это выражение дословно означает «кузнец». На ее скалистых, остро ошетилившихся вершинах живут архары. Первый раз увидел тут у туленгутовцев ложки из распаренного

рога архара, употребляемые для наливания кумыса из больших деревянных чаш в малые. В этих краях уже можно увидеть куланов, или диких киргизских коней. Киргизы очень ценят их шкуры, много их вывозят в Ташкент, где за них хорошо платят. У себя из них делают сабы, саквояжи и разные вещи, а именно: делают свои сапоги из шагрени зеленого цвета, который получается, если размягченную шкуру посыпать просом и притискивать тяжестью. Молодой кулан, как только народится, уже способен бежать за маткой. Пойманный и приведенный под домашнюю кобылу, хотя и сосет ее, и она его принимает за своего ребенка, пасется, однако, вдали от других и, как только подрастает, удирает в степь на свободу. Домашний конь, заблудившийся и попавший к куланам, дичает. Они же охотно дают ему право гражданства, а если даже у него на ногах путы, то их разгрызают. Табуны куланов насчитывают порой тысячи голов. Где есть посеы, там они наносят большой ущерб, у туленгутовцев этим летом поели пшеницу.

Один старшина рассказывал, что Ассессор развлекался здесь девятнадцать дней и за это время съел 150 баранов. При этом совершал неслыханные поступки. Когда уезжал, его – хочешь не хочешь – со страху провожали. Он сказал на прощание: «Ну, вы должны быть довольны мной, я вам ничего плохого не сделал, и надеюсь, вы посчитали за счастье, что я у вас так долго гостил?» Киргизы, отважившись, отвечали ему: «Что же ты хочешь, чтобы мы тебе в глаза правду говорили? Вот когда ты уедешь, будь уверен, что наши обиды останутся у нас в памяти, и твои следы мы проклянем». Он замолчал и полетел вскачь.

27 августа

Вчера, не дождавшись почты, для встречи которой мы выходили за две версты, легли спать в 9 часов и, не говоря ни слова друг другу, уснули, грустные. Сегодня получили утешительную весть, что почта уже прошла через Каркаралы, и потому, может быть, еще до ночи кереевцы отправят сюда то, что нам везут.

Получаем жалобы на Чурчута, который, уезжая от кереевцев, наскандалил: у тех, что с ним идти не хотели, отобрал верблюдов, а когда один из них пошел к нему за своим верблюдом, приказал его связать, как вора, ударил даже лошадь Юсупбая, когда тот поехал его уговаривать, чтобы опомнился и не обижал невинных. Эти степные богачи, уверенные в своем положении, обходятся с бедными, как хотят.

Какой-то молодой пастух пришел жаловаться на своего хозяина, что тот отрезал ему кончик уха и поранил лоб. Он не верит в справедливость киргизских властей и говорит, что они сейчас обещают помнить о нанесенной ему обиде лишь потому, что здесь мы, а после нашего отъезда они еще отомстят ему за эту жалобу. К ушам, они, видимо, имеют особую склонность: уши часто фигурируют в делах, которые мы рассматривали. Виктор рассказал, что однажды, когда он еще ездил с Мансуровым, привели в лагерь несколько пойманных киргизов из передовых разъездов. Окружили их вместе с генералом и его штабом, чтобы присмотреться к ним, и киргизы, находившиеся при русских как проводники. Неожиданно один из проводников вытаскивает ножик, бросается на одного из пленных и, отрезав ему ухо, начинает его грызть зубами. Удивленный генерал приказал схватить его и спросил: что это значит? «О! – со страшным ругательством закричал киргиз – Это вор, он тогда-то и тогда-то украл у меня десять коней, я его сразу узнал». Спрягал ухо в калту и отошел, довольный.

В полдень было тепло и даже жарко, а вечером пронизывающий холод. Уже ночь. Почты нет как нет, а утром, на рассвете, надо отсюда уезжать.

28 августа

Ночь была невероятно холодная, утро не лучше. Ненастный ветер бушевал в открытой степи, расцвеченной лишь аулами туленгутовцев. Не дождавшись почты, мы готовились к отъезду в кислом настроении. Стояли уже с камчами в руках грустно поглядывая на снежные тучи, окутывающие скалистую Темирчу, когда киргиз, прибывший из Каркаралов на двух конях, принес несколько правительственных приказов и пачку писем, в числе которых я нашел два письма для меня от семьи, хотя и давней даты, написанные еще в мае и июне. Сразу стало теплее у меня на сердце и показалось, что горизонт прояснился. Прочитав их, я сел с Виктором в арбу, чтобы поговорить об их содержании и привыкнуть немного к холоду. После часа езды на колесах я приказал подать себе приготовленного для меня коня, которым на сей раз оказался серый с белыми полосами иноходец. Никогда не ехали мы так быстро. Сперва мне было холодно, но потом почти жарко, как, вероятно, и моему коню, потому что приходилось частенько понукать его камчой, чтобы не оставался позади пятерки, сломя шею несущей арбу, особенно когда мы выехали на генеральскую дорогу. Все расстояние – более сорока верст, – которое мы пролетели, проходило между горами, довольно высокими, которые называются Кичубай. Множество их вершин, почти остроконечных, укрывалось в тучах, угрожавших каждую минуту дождем. Однако ни капли не упало, и мы счастливо прибыли в долину, пересекаемую речкой Карангап, которая сейчас совершенно суха. Как множество речек у киргизов, она в разных местах называется по-разному: у истока – Кушмурун, в среднем течении – Карангап, а дальше – Актайлак (молодой верблюжонок) – от имени горы, высящейся над ее ложем. Именно под этой горой мы встретили первые отары баранов надан-тобыктинцев, а за нею, на всем протяжении долины, втискивающейся между цепями гор, показались вдоль речки аулы, окруженные табунами коней и верблюдов, коров почти не было видно. Кое-где могилы со своими угловыми возвышениями. Ни одна волость не показалась мне такой красивой, как эта: если бы еще было солнце над острыми вершинами скал, я бы подумал, что нахожусь в Аравии и вижу перед собой наметы бедуинов.

В четверть второго остановились у порога юрты, поставленной для нас рядом с горами Кичубай, дающих название этому месту. Нас приветствовал бий Сармантай, который недавно стал волостным после отставленного султана Акана. Отсюда у надан-табыктинцев две партии, но султанская очень слабая. Сармантай – человек со значительным взглядом, приятного облика и, в общем, не глупый. Хотя юрта и мала, но зато так обвешана и застлана коврами, что припомнились мне школьные времена, когда мы, бывало, украшали класс ко дню именин какого-нибудь из наших профессоров-доминиканцев.

Только два часа спустя после нашего приезда прибыл наш обоз, то есть верблюды и Килякой. А *propos*⁶³, о верблюдах, я припомнил, что зимой с ними большие хлопоты. Их нужно не только обрывать в ходaki и прямо целиком обшивать, но когда придут в караване на ночлег, для каждого надо разгрести снег до самой земли и подложить кошму. Кормление также требует большой осторожности:

⁶³ А *propos* – кстати (франц.).

обычно делают шарики из муки с солью, таких три или четыре дают утром, травой же можно кормить только тогда, когда караван остановился на длительную стоянку или дневку.

Вечером ел билеуши и старшины просили аудиенции. Они говорили, что не доверяют Акану и подозревают его, так как он уговаривал их откочевать подальше, чтобы выдать их Кенесары, потому и отстранили его от должности.

Туленгутовцы, надан-тобыктинцы, алтыке-сарымовцы, карсон-кереевцы и кунайчи-тагаевцы самый большой доход имеют от лис, которых тут множество. Ловят их в железо и разные капканы, травят борзыми и соколами, догоняя на лошадях. Борзых имеют отличных, а соколов очень ценят: за хорошего беркута дают верблюда и больше. Каждая юрта в год добывает около ста лисьих шкурок, которые продают по три, пять, а порой и пятьдесят рублей. За последние два года лис было немного, в этом же году их ожидают множество, потому что появилось несметное количество мышей, за которыми, как за своей пищей, появляются и лисы. Надан-тобыктинцы занимаются также ловлей и охотой на куланов.

29 августа

Пусть извинит меня панна Джазык, но ее хваленый климат ужасен. Позавчера и в летних халатах было чересчур жарко, вчера же должен был 40 верст вскачь лететь, чтобы не замерзнуть на лошади. Этой ночью в самой удобной юрте, какую только можно найти в степи, мы долго стучали зубами, прежде чем сон смежил нам веки, а толмачи наши и вовсе не могли заснуть от холода, хотя и разложили костер. Сегодня в 9 часов утра вода в корытах, где поят лошадей, стояла еще замерзшая. Около полудня солнце немножко пригрело, но ветер был по-прежнему холодный. Теснота от набившихся в юрту киргизов, ранее непереносимая, стала просто необходимой, так как давала тепло, иначе трудно было бы обойтись без огня. Под вечер мы ходили на прогулку и видели в русле речки вырытые искателями золота ямы. Холод не дал возможности долго восхищаться природой.

Когда писал Януарию, должен был снова защищать репутацию киргизов. Моя дорогая мама ежедневно возносит богу молитвы, чтобы меня здесь не съели живьем, как это часто делают островитяне на Тихом океане, которые безмерно любят бифштекс из мяса европейцев. И все же, хотя я и благодарен ей за такую материнскую заботливость, смело могу поручиться, что моя жизнь в здешних степях совершенно безопасна, особенно со стороны киргизов, как и всякого другого, самого цивилизованного народа. И даже откровенно сказать, я с большим опасением ходил по улицам Неаполя, чем по здешним пустыням. Со времени нашего отъезда из Омска мы не замечали ни малейшей опасности. Отдалившись от китайских границ, где кочуют независимые племена, мы не имеем более четырех казаков в эскорте, да и присутствие их необходимо больше лишь для посылок с приказами, чем для охраны наших особ. Сначала мои пистолеты и двустволка всегда были заряжены и находились под руками, а теперь первые лежат в саквояже, чтобы не заржавели, а вторая почивает себе в футляре. Около нашей юрты никогда нет стражи, кроме голодных псов, никто в нее ночью не заглядывает. На протяжении стольких месяцев у нас ничего не пропало – ни на грош. Словом, несмотря на свои недостатки, происходящие частью от недостатка просвещения, частью от религии, засоренной предрассудками и суевериями, этот

народ нисколько не хуже, чем любой другой. Наши низшие классы в сравнении с киргизами выглядели бы гораздо хуже.

Писал Михалу и, чтобы отогреться, натер уши моим тобольским друзьям.

КИЧУБАЙ, 29 августа. ПИСЬМО МИХАЛУ В ТОБОЛЬСК

Посылаю вам любопытную импровизацию киргизской девушки Джазык. По-сылаю ее, чтобы вы имели представление о том, что такое киргизская поэзия и что значит Виктор в степи. Столицу Чингисхана открыл в нынешнем Карауングуре. Доведу до сведения ученого мира статьей на 20 листах, что Каракорум господ Рубругиза и Плано Карпини – то же самое, что Карауңгур. Ваше молчание меня не только не удивляет, но и восхищает! За все мои признания в чувствах горячей привязанности, за все доказательства моей памяти о вас в горах Ала-Тау, Тарбагатайских, Чингистауских, Акбастауских, за все мои письма и вопли с Ой-Джайлау, Коксу, Курдын-бойы, Моинтысу и т. д. от тебя только две фразы, от Антона – одна, от Онуфрия – ни одной. Действительно, таким молчанием – немым, глухим, глупым – только дикие скалы св. Елены могли отвечать Наполеону или Мицкевичу замерзшая вершина Чатырдага, когда один рассказывал первым о своем минувшем величии, бросая им в глаза бессмертные имена Маренго, Абукира, Ваграма, Иены... А другой посвящал последнему свой несравненный сонет. Ну и молчите, словно скалы и льды! Замолкаю и я, никогда больше вы не услышите моего голоса. Не стану будить вас от могильного сна ни письмами, ни лично. Проникнутый симпатией к вам, хотел я в рождественские праздники прилететь в Тобольск, ибо что значит проехать в крытых санях какую-нибудь тысячу верст для друзей, если я могу скакать на коне столько тысяч верст только для того, чтобы обжечь себе лицо в огне 50-градусной жары, проветрить тело на холодном ветру пустыни или отморозить кусочек носа, подвергая его стуже киргизской зимы. Но теперь, испытав чувствительность вашей неорганической природы, глупцом не буду! Возвращусь в Омск и буду сидеть в нем, как мотылек, «когда утонет в бурьяне». Никакие ваши просьбы и угрозы не вызовут меня из моего укрытия. В тишине моей комнатки буду писать историю нашей поездки и, как узник Великой Британии забыл о Европе, так и я забуду о вас. Dixi⁶⁴.

Из дневника путешествия

30 августа

Встав в 9 часов, с удовольствием увидели мы солнце, своими теплыми лучами освещающее наши аравийские романтические окрестности, хотя они все искрились от инея. Но вскоре снова засвистел холодный ветер, да так, что затряслись бока юрты. Прежде чем мы взялись за работу, опять распогодилось и стало теплее. Виктор с радости угостил меня двумя сигарами «регалия», присланными женой. Глотнули разок разведенного спирта и были в хорошем настроении.

Во время переписи, когда речь зашла о количестве скота, записанного *in plus*⁶⁵ одному старшине, и Виктор объяснил, что в этом случае он поверит слову Сармантая, отовсюду поднялся крик: «Кулдук! Барекельде!» Ах, это чудная вещь – любовь народа. С этой поры никто не смел солгать. Я никогда не забуду этой минуты.

⁶⁴ Dixi – я сказал, я кончил (лат.).

⁶⁵ *In plus* – больше (чем надо), сверх (франц.).

После полудня, когда Виктор заснул, я вышел с сигарой в зубах, чтобы погреться на солнце, так как в юрте, особенно при спущенном тундуке, гораздо холоднее, чем во дворе. Сидя себе заслоненный от ветра юртой, с удовольствием вбирал в свое тело теплые лучи и, глядя на киргизов, уезжающих в разные стороны, позавидовал тому, как легко они переносят все перемены погоды, что нам, воспитанным в старательно отапливаемых комнатах, очень трудно. Частенько даже и при сильной воле и мощи духа невозможно, чтобы не поплатиться здоровьем Киргизам нынешний холод нипочем, едут себе в своих летних халатах, когда мы вынуждены были достать из саквояжей наши кафтаны, пледы, шубы – словом, весь противоморозный арсенал. Размышляя об этом, я решил с первой почтой написать брату, чтобы своих густавчиков и витольдиков воспитывал по-киргизски. Ибо кто знает, какая их ждет будущность; а если неожиданная судьба закинет их так, как дядю, в сибирские или киргизские пустыни, тогда они смогут без серьезных последствий выставлять свои носы против ветров и морозов.

31 августа

В час пополудни мы выехали от надан-тобыктинцев. Большие были хлопоты с лошадьми. Казаки должны были им уши кусать, прежде чем сумели усмирить. Ржали, фыркали, визжали, а как только запрягли – рванули с места. Нужна была вся отвага и мастерство казаков, чтобы с ними справиться. Не обошлось, однако, без оборванных постромок, а один конь перегрыз свою узду. Мой рысак, с очень жесткой шерстью, услышав крик и шум, наострил уши и тоже хотел лететь в степь; долго я хороводился с ним, прежде чем склонил его к умеренной рыси. Но, сдерживаемый на бегу, он спотыкался каждую минуту о камни, и я несколько раз чуть не перелетел через его голову. Ужасно натрудил руки, но сменить коня не хотел, потому что он легок на ходу, а еще и немножко из-за ложного стыда.

Нас сопровождал многочисленный отряд тобыктинцев. Сармантай спрашивал, не хотим ли мы взять в дорогу кумыса. «Прикажу, – говорил он, – положить несколько саб на верблюдов и дать хоть десяток баранов, вы у нас столько не съели, сколько ваш предшественник».

Миновав давнишний пикет, от которого остались только столбы да часть домишка, мы выехали на дорогу, ведущую в Каркаралы между горами по широкому ущелью. Через несколько часов взяли влево и все время находились среди каменистых гор. На ночлег остановились у одного из многочисленных источников, хотя и проехали всего лишь верст сорок, потому что толмачи предупредили, что мы находимся в несколько опасных местах, и мы не хотели оставлять наших верблюдов далеко за нами.

1 сентября

Ночь была теплая, и мы спокойно спали под шатрами, не потревоженные ни криком верблюдов, ни ржанием коня. Встав с восходом солнца, после чая двинулись дальше. С места нашего ночлега была видна гора Каркаралы, а за нею сразу и Приказ Каркаралинского округа, отсюда не далее сорока верст. Над одной из речек, составляющих реку Джарлы, мы сделали привал. В этот день мы 12 часов были в пути, сделав верхом, пожалуй, верст 110. В арбе раз 10 меняли коней, и все они очень уставали. Даже не знаю, как бы мы доехали, если бы сарымовцы не выслали навстречу свежие подставы, потому что горы и горы беспрерывно, а

повсюду, словно нарочно, рассыпаны камни с острыми краями. Трудно понять, как выдержали колеса. В некоторых местах дорога шла таким тесным и забитым камнями ущельем, что приходилось на руках и арканах поднимать вверх арбу и по хребту горы объезжать этот узкий проход. Спускаться с гор еще хуже и опаснее, особенно когда в упряжке пять безумцев. Один раз они понесли с большой вершины, и не обошлось бы без несчастного случая, если бы казак не врезался своим конем промежду запряжки и не хватил коренного камчой по лбу так ловко, что все удержалось на середине склона.

Места, которые мы проехали, очень живописны. Повсюду самые разнообразные скалы, много киргизских и калмыцких каменных могил с изображением уже стершихся лиц; чистая и свежая вода, не хватает только лесу, маловато видели раakit и берез за вторую половину дороги. В долинах земля изрыта кротами, мышами и лисами, кони часто попадали в кротовьи и иные норы. В горах нам удавалось видеть архаров, которые мгновенно, словно молнии, исчезали из наших глаз. Их рогами завалены места, где раньше были аулы. В нескольких шагах от меня прошмыгнул молодой волчонок, киргиз метнулся за ним, но когда конь попал в яму, он слетел с него и отлетел на сажень. На этом и кончилась погоня. Вдали мы видели горы Кызыл-Рай, тянущиеся верст на 40, покрытые сосновым лесом, в котором много архаров, маралов и всякого зверья «коп-коп». Видели также гору Берик-Кара, где прекрасная оловянная руда: ее добывает Попов и возит перетапливать на свою фабрику в Ку.

Конь мой вытворял чудеса: еле отдохнув три четверти часа на привале, он не только не устал, а последние 30 верст летел как сумасшедший. Я опередил Виктора на целый час. Он приехал на своей арбе гораздо более измученный и разбитый, чем я. Остановились на ночь в долине над рекой Токрау у алтыке-сарымовцев, между горами, из которых самая высокая – Кучук. Ел билеуши Джаугутты – простой, малосостоятельный киргиз.

Говорил мне толмач Измайлов, что поэтесса, которая пела в юрте, употребила выражение Каракорум, а когда ее спросили, что она под этим подразумевает, она ответила, что это означает, «место, оставшееся после сгоревшего тростника над берегами Балхаша», где туленгутовцы после ухода из Каркаралинского района кочевали у уйсунув. Точно так же называется и опаленный войлок. Тогда, может быть, Чингисхан кочевал где-то в сожженной степи или на выжженных тростниках над какой-нибудь речкой или озером? Орын, действительно, означает место.

Целый день была прекрасная погода, только с ветром, как всегда, в горах – холодным, в долинах – теплым.

2 сентября

Спали отлично. На рассвете нам показалось, поскольку мы еще не совсем проснулись, что несколько десятков звезд блестит прямо в юрте: это был свет, пробившийся через маленькие дырки в кошме, покрывавшей переднюю часть юрты, не совсем аккуратно поставленной.

Первый раз пил чай с чем-то вроде киргизской сметаны. Чистый чай мне уже так надоел, что и эта псевдосметана доставила удовольствие. С утра был у нас Джаугутты со своими старейшинами. Говорили, что ожидают старшего султана Кушбека, но когда Виктор спросил, поставлена ли для него юрта, схватились за головы и начали крутиться. Виктор им сказал, что если затрудняются так скоро

собрать ковры, то могут взять их из нашей юрты. Безмерно благодарили, выкрикивая: «О! Что это за человек – и не вымогает ничего, и на советы щедрый!». Джаугутты же добавил: «О! Он другой породы, чем наши чиновники. Он Бюлек, он того самого рода, что и жена Каратохты». Это была полька, жена одного из заседателей, вроде бы Евсеева.

Виктор утверждает, что простые киргизы, которые никогда никого из чужих не видели, гораздо лучше тех, которые, восприняв много чужого от соседей, отошли от своей давнишней простоты. Рассказал мне забавные вещи о двух киргизах, которые были у него в Оренбурге. Он повел их однажды на представление вольтижеров. Увидев коня, выделяющего фокусы, они кричали на голос, а когда тот упал, будто мертвый, бросились со своими ножиками, чтобы зарезать его, дабы не подыхал, как нечистый. Их от этой услуги удержали, но они потом ходили убедиться, что это действительно был конь, трогали его пальцами, мерили пятерней, а убедившись в его неоспоримой конской сути, порешили, что внутри у него – дьявол.

Множество жалоб приносят бедные киргизы на своих братьев или родственников – богатых, которые не только не оказывают им никакой помощи, но еще и притесняют, как только могут.

Ассессор и тут прославился: его называют Асеке с добавлением проклятия. Чужие слова почти всегда переиначиваются в устах киргизов: из волостного сделали «болыс».

Под вечер, когда ветер утих, мы пошли на прогулку. В нескольких десятках шагов от нашей юрты мы нашли несколько каменных могил, заросших травой и почерневших от непогоды. Некоторые довольно большие; спят, наверно, в них родоначальники, но теперь их никто не навещает, кроме мышей, которые почти под каждым камнем понаделали себе норки. Вид на окрестности был великолепный. Оттуда мы спустились в долину, где стояли аулы.

Холод усилился, так что пальцы задеревенели, и нельзя было в одной руке долго держать сигару. Несмотря на это, киргизки при свете месяца ткали перед своими юртами армянину из верблюжьей шерсти, другие носились с маленькими детьми по подворью. Эти карапузы были в одних только рубашечках и нисколько не страдали от мороза. Мы приласкали одного из них, по имени Али. Он не только не съезился от прикосновения холодной ладони, но еще и улыбнулся. У киргизов в обычае прибавлять лета своим малым детям, как бы от радости, что вырастили до такого возраста. На вопрос, сколько лет Али, мать отвечала, что ему два года, хотя ему вряд ли был годик.

При нас доили овец. Для доения их привязывают за шеи поводками по десяткам головами в разные стороны. Киргизка с кожаным ведром садится сзади овцы и, сильно ударив ее пятерней, начинает доить. Если овца не дает молока, она повторяет удары, подражая движениям ягненка. При виде нас сбежалось все население, и все были непомерно счастливы: каждый, кто хотел, мог разговаривать с Виктором. Среди собравшихся царили большая свобода и веселье. Молодежь подсмеивалась над девушками, позволяла себе довольно смелые выражения и шутки, что, не обижая прекрасного пола, вызывало всеобщий смех.

Возвратившись в юрту, мы, чтобы согреться, выпили по чашке горячего молока и остались очень довольны этим замечательным напитком, не понимая, как нам до сих пор не пришло в голову воспользоваться в степи этим прекрасным средством подкрепления. Вскоре прибежал Кожемсугур, адъютант Кушбека, с донесением,

что Кушбек уже у карсон-кереевцев. Крепкий парень, очень проворный и веселого нрава. Он нас насмешил, очень верно, с остроумным преувеличением подражая Орынбаю, передавал его выражение лица, жесты, говорящие о лести, способы намеков на необходимость что-то подарить. Мы не спешили идти спать, потому что не для чего было рано вставать. Пока солнце не согреет воздух, из юрты и выходить не хочется, а киргизы начинают собираться едва лишь к 9 часам. Приказы, чтобы являлись на перепись пораньше, ни к чему не ведут: будучи всю ночь *sur le qui vive*⁶⁶ вскочить по сигналу пастухов, они потом долго спят.

Сегодня писал Ансельму Ивашкевичу, который, сидя себе в Одессе, не думает о том, что его друг и его однофамилец зябнут в степи.

НАД ТОКРАУ, 2 сентября. ПИСЬМО А. И.

Чтобы ты не привыкал к мысли – забыть своего старого друга, который любит тебя по-прежнему, несмотря на уходящие годы и все более разделяющее нас расстояние, напоминаю о себе из глубины киргизских степей, временным жителем которых я являюсь уже несколько месяцев. В эту минуту, придя вместе с твоим однофамильцем, уважаемым Виктором, с берега реки Токрау, текущей у подножия огромной горы Кучук, пользуюсь несколькими часами отдыха, чтобы обнять тебя и сообщить, что мое здоровье, сильно подпорченное в Омске, особенно в эту зиму, на свежем воздухе значительно поправилось. В этой перемене благодатную роль сыграло ежедневное потребление кумыса, простая, хоть не очень вкусная пища и постоянная езда верхом, к которой я так привык, что пролететь сейчас сто верст по степи и горам мне гораздо легче, чем совершить во время пребывания в Ишиме путешествие до Гагарина или Стрехнина.

Ты, наверно, удивисься, с чего это я так летаю, словно арабский бедуин по своей любимой пустыне; скажу тебе, наконец, что по соизволению правительства я являюсь здесь чиновником Пограничного управления и провожу перепись населения и скота в Аягузском и Каркаралинском округах. В первом из них мы уже счастливо закончили наше поручение, а сейчас второй месяц бродим из аула в аул по второму и, несмотря на усердные старания и желание вернуться в Омск перед наступлением зимы, не надеемся записать в наших ведомостях последнего барана раньше половины октября. Для нас это очень грустная перспектива, потому что уже и теперь нам часто докучает холод, а что же будет через месяц и дальше? Очень боюсь, как бы, подмораживаясь каждый день помаленьку, я не возвратился в Омск совсем замерзшим, как стерлядь, едущая зимой из Тобольска в Москву или в Петербург! Но что же делать, если иначе быть не может! «А ведь приятно бы было после такого долгого и тяжелого путешествия возвратиться живым и здоровым в теплую комнату и проводить в ней зимние вечера, покуривая добрый турецкий табак», – с этими словами обратился ко мне сегодня Виктор, и при одном воспоминании о турецком табаке, которого я большой любитель и которого в Омске достать невозможно ни за какие деньги, прямо слезы набежали на глаза. Долго мы болтали и мечтали об этой небесной манне, пока я, наконец, не сказал с улыбкой: «А ты знаешь, что наши сегодняшние мечты можно осуществить, и еще в этом году я угощу тебя трубкой самого великолепного “Дюбека”». – «А каким же это чудом?» – крикнул он и при этом глянул на меня, как на волка. «При

⁶⁶ *Sur le qui vive* – наготове (франц.).

чем тут чудо, – отвечал я, – есть очень простой способ: напишу моему дорогому Ансельму, который живет сейчас в Одессе и каждый день курит лучший табак на свете. Когда он узнает, что его тезка и старый друг по изгнанию так чувствительно вздыхают по нему, он обязательно пришлет по фунту табаку каждому, да еще вдобавок присоединит несколько стамбулок». «Это здорово, – снова сказал Виктор, – но что же мы, сибиряки, пошлем ему взамен?» «Понятно, ничего, – отвечал я, – что бы мы могли ему послать с нашего холодного севера, разве что пуд кедровых орешков или брусники! Наконец, это такой человек, которому не понравится, что мы пытаемся оплатить его услугу, которую он, как я уверен, сочтет большим удовольствием для себя». «Когда так, пиши, – сказал он, – и представь меня ему». Вот я и пишу тебе, рекомендую его не только как знакомого, но и как друга, он этого заслуживает, поверь моему слову. Будь здоров!

Из дневника путешествия

3 сентября

Сегодня годовщина моего прибытия вместе с Павлом в Омск для определения на службу. Кто бы тогда подумал, что она протянется так долго, и что спустя пять лет я еще буду путешествовать по киргизским степям? И он, вероятно, сейчас (если не спит после обеда) припоминает тот памятный день в истории нашего изгнания и, может, слеза набежала на его глаза при мысли, что друг его до сих пор вздыхает вдали от семьи.

Только что прилетел другой адъютант Кушбека с донесением, что он уже едет. Тотчас множество киргизов под предводительством своего «болоста», очень похожего на медведя, вскочили на коней и помчались навстречу, а тем временем привели молодого коня и в нескольких шагах от юрты зарезали для приема высокой особы. Вскоре показался и сам Кушбек, ехавший еле-еле, в черном канфовом халате, окруженный многочисленной свитой своих родственников, в числе которых было несколько молодых султанов, все в шапках с развевающимися перьями. Он проехал прямо к Виктору и после обычных приветствий лег на кровать и сказал, что чувствует себя очень измученным. Потом приказал всей окружавшей его толпе отойти от юрты и начал говорить о Кенесары. Сообщил, что тот сейчас находится возле устья Или и что с нами от надан-тобыктинцев ехали два киргиза, которые недавно, наведываясь к уйсунам, были около него.

Такой большой магнат, как Кушбек, не имеет с собой даже чая или кусочка сахара. Кроме того что Виктор приказал отнести к нему в юрту и то и другое, он потом снова прислал просить чая и сахара для угощения своих родственников, а потом еще и сухарей, которые киргизы очень любят, хотя собственных никогда не имеют. Будучи у нас, Кушбек в шутку сказал, что жалеет, что при выезде из Ой-Джайлау не отбарантовал у Виктора железной кровати. «Вы себе представьте, – добавил он, – на следующем же ночлеге вошла в мой кош огромная змея. Только ее убили, приходит Юсупбай и говорит, что и у него двух убили; кто-то еще пожаловался на таких же гостей. Я очень мнительный, крутился всю ночь, наконец, только сомкнул веки, как снова кричит мой адъютант, еще одну змею убили».

Наш Амантай все больше заболевает барской болезнью: хочется ему халат. Он говорит, что ему стыдно прислуживать султанам в такой потертой одежде, а лень не позволяет зашить дырки.

Вечер был прекрасный, но холодный.

4 сентября

Холодное утро, вся земля и юрта побелены инеем. Ночью к нам долго доносились песни и музыка Кожемсугура, адъютанта Кушбека. Пел он со страстью, и что-то политическое, до наших ушей часто долетало «Кенесары! Кенесары-Саржан!».

Приехал султан Газы, отец известного Худайменды, находящегося сейчас у Кенесары, серьезный и красивый старик. Он сам боится своего сына, потому и кочует с Кушбеком ближе к Каркаралам, чем к Балхашу.

Солнце поднялось, и день – как нельзя лучше.

Киргизы называют Омск – Омбы, Семипалатинск – Семей, Петропавловск – Кызыл-Джар.

Вечером мы были у Кушбека, которого киргизы величают ханом. Он судил целый день и рассудил с помощью биев, сидящих в его юрте, сто пятьдесят дел. Мы застали тут множество людей и даже несколько женщин: все говорили и пили кумыс после молитвы. На первом месте, как старший по возрасту, имеющий 68 лет, сидел султан Газы; я сел между ним и победителем тигров Рустемом. Когда принесли конское мясо, Газы подал мне кусок, а Рустем другой: было бы совсем неплохо, если бы с солью. При нас отправляли церемонию прощения туленгута его хозяином. Газы арестовал своего туленгута, но благодаря заступничеству Виктора выпустил его, призвал к себе и, взяв чашку кумысу, подал ему выпить. Туленгут выпил, налил чашку и подал своему хозяину. Тот коснулся ее устами и снова подал ему. Все это повторялось несколько раз, потом хозяин дал прощеному кусок конины.

Когда стемнело, принесли подобие лампы с жиром, укрепленной на посохе, который воткнули в землю, и она кое-как осветила юрту. И мне показалось, что я в апеннинской пещере, где беседует шайка разбойников.

Вошел киргиз с дудкой с несколькими дырками и играл на ней целый час. Кроме него, забавлял нас адъютант Кушбека, передразнивая Орынбая. Меж иными песнями он спел о брате Кенесары Саржане, который, когда его поймали ташкентцы и уведомили, что повесят, ответил, грызя себе палец: «О, если бы были у меня пороховница, мултук и мой конь – ни одного бы из вас не осталось».

Газы спрашивал меня, далеко ли моя «джурта» [48]? Когда я ему сказал, что за 5 тысяч верст, он спросил, правда ли, что Волга доходит до моей страны, и какие есть реки в Польше? Сказал мне, что был в Петербурге и видел Кронштадт, выстроенный в море, «с которого Россия смотрит на чужеземца».

Возвратившись в нашу юрту, я увидел большие бараньи кости, развешанные на кереге, и узнал, что это для того, чтобы у хозяина не переводились бараны.

5 сентября

Хотя утро было холодное, день выдался прекрасный. Как только хан встал, поехали к карсон-кереевцам. По дороге миновали множество могил, из которых некоторые были огромной величины. Встретили кочевку, дамы ехали строем, одна из них в пунцовых, роскошно вышитых чамбарах. Красивая девушка в черном канфовом халате, вся в кольцах, с ключами за поясом, резвилась на прекрасном карем коне. Любики младенцев виднелись из люлек, поставленных на верблюдах; малые мальчишки сидели на конях.

Сделав верст 40, остановились на берегу реки Нуры, в урочище Караджал. Ел билеуши – Есперген. Юрта – как нигде: чистая, обширная, богато украшенная. Тут нас приветствовал Сухоналимов обедом, малиновой наливкой, свежими калачами.

а что особенно поразило – картошкой, которую мы в этом году ели в первый раз. Михал прислал нам из Тобольска несколько булок хлеба и банку с вареньем. Но для меня самой дорогой посылкой была пачка писем от матери, брата, сестры и нескольких друзей. Прочитав их, я должен был немного поспать, потому что негодный конь страшно измучил меня в дороге.

Позднее прибыл казачий офицер Карбышев, начальник отряда, направленного против Кенесары.

Вечером у нас был чай для хана и кереевских старшин. Собрание развлекало уленши Кожемжар, который, кроме многих подарков, получил несколько рублей. Кушбек и другие ставят его выше Орынбая. Но мое мнение таково, что он даже голосом не может с ним сравниться. Тому вредят только его гримасы и вечные намеки на подарки. По просьбе Кушбека Виктор всыпал одному из гостей три порошка рвотного в чай, но он над ними дьявольски посмеялся, потому что после порошков и четырех чашек чаю спокойно досидел до конца и вышел в полночь вместе с остальными.

6 сентября

Утро было очень холодное, так что с большим трудом, дыша на пальцы и потирая руки, я смог написать письма матери, брату и друзьям. Но, когда встало солнце, день оказался чудесным, а около двух часов пополудни даже жарким.

Забавный случай. Во время прошлой переписи один киргиз записался под именем известного старика. Когда тот теперь обжаловал это, киргиз признался, что сделал так потому, что хотел получить наследство, поскольку старик близок к смерти. Старик разозлился, кричал, что не оставит ни одного барана похитителю его имени, что он для него совершенно чужой, да и к тому же на его смерть рассчитывает.

Здесьняя волость богаче других, особенно прекрасными лошадьми.

7 сентября

Двое киргизов разговаривают друг с другом: «25 лет мы уже находимся под владычеством России, а такой спокойной переписи еще не было. Раньше нас всегда били, доставалось не только старшинам, а и волостным. Придешь, спрашивают, сколько имеешь? Скажешь пять – кричат “лжешь!”» В морду, и пишут десять. Нынешний чиновник, видимо, другого рода». В результате этого тихого разговора один из них подошел к Виктору и решил дипломатично выведать, кто он такой. Спросил: «Ты в Омске живешь?» – «Да». – «А твой отец тоже там живет?» – «Нет, мой дом далеко». – «Какого ты народа?» Когда ему Виктор сказал, что он поляк, тот ответил: «А, так все поляки, должно быть, такие, генерал тоже поляк. Мы только в это время почувствовали, что живем».

Наблюдали смешную сцену. Один старшина, увидев в первый раз в жизни щипцы, спросил у Виктора, для чего они. «Нос утирать, вместо платка», – отвечал Виктор. «Ау! А сколько стоят?» – «Пять рублей». – «Ау!» Потом Виктор вскоре взял щипцы и потер себе нос. Прошло едва несколько минут, и старшина захотел сделать то же самое, взял щипцами свой нос и хорошенько сжал, а когда ему стало больно, сказал товарищу: «Этот железный платок делает больно». А тот ему на это: «Потому что, видишь ли, ты с ними обращаться не умеешь, надо было сперва нос рукою утереть, а потом его взять в щипцы».

Вечером было угощение чаем Кушбека и старшин. Одному из них, снова по усиленным просьбам хана, Виктор опять дал рвотные порошки, но и этот обманул ожидания, и за четыре часа ему так и не сделалось плохо.

Кушбек рассказывал о прославленном поэте Джанае, который напел себе верблюдов и дорогие подарки. А то был еще у садыр-матаевцев большой поэт, боровшийся с ним за первенство. Их соревнование выдало однажды долго скрываемое дело: когда один от имени аргынов, другой от имени найманов начали похваляясь, считать, кто кому что сделал, аргыны узнали, что пропавший у них скот украли найманы. Рассказал также, как во многих местах киргизы засыпали следы Ассессора, чтобы и «следа его не осталось». Он посылал ночью казаков, чтобы они отгоняли часть табунов в сторону, а наутро сами находили бы их, якобы укрытых, и либо ему доносили, либо брали взятки за то, что не донесут. Матери из боязни, чтобы какая-нибудь из дочек не приглянулась ясному пану, прятали их по сундукам или в могильниках.

8 сентября

Утро прекрасное, теплое. День великолепный и, что особенно хорошо, тихий. Киргизы купаются в реке. Рассказывали нам, что Ассессор приказывал расставлять для себя по дороге коней и кумыс, и однажды, попивая его на одной горе, сказал киргизам, что в память о такой чести они должны назвать эту гору «Асекен кымыз ишкен» (Ассессор пил кумыс).

9 сентября

Утро холоднее, чем вчера, но день опять теплый и погожий, после обеда даже жарко. Мы выехали из Караджала к кунайчи-тагаевцам, стоящим только в 16 верстах. Приехав к горе Конур-Тобе, мы нашли поставленные для нас юрты. Волостной – Кадыр. Киргизы ставят все более красивые юрты. У Еспергена была юрта с чиями, сплетенными на разный манер шелком, а здесь обвешана восемью коврами, а на полу их лежит девять, одеяло шелковое, баскур и дорожки, очень тонко тканые и вышитые. Такая же юрта, только поменьше, для казацкого майора, такая же для хана, которого повсюду принимают с большим почетом, режут кобыл и баранов к его столу, открытому для всех сопровождающих его или приходящих к нему по делам.

Здесь женщины носят только две косы, которые связывают на голове и прикрывают белым платком; девушки же очень старательно заплетают свои волосы в несколько десятков мелких косичек.

После нашего приезда погода изменилась, казалось, пойдет дождь, однако ночь была теплая, как самая теплая из летних ночей.

10 сентября

С утра нас разбудил казак, привезший письма. Мы встали, чтобы их читать и есть пирожки, присланные нам из Аягуза. На горах висел туман, утро было сумрачное, но к 10 часам распогодилось. Я пошел с ружьем в надежде найти уток, но, пройдя версты три берегом реки, не увидел даже птичьего перышка. Подметил стайку не то каменных ястребов, не то куропаток, купающихся в песке на поле, но подойти на выстрел они не позволили.

Узнали, что киргизы напали на почтаря, ехавшего из Каркаралов, совершенно его раздели, отняли у него коня и даже бляху с новоустановленным гербом.

Видел одного из самых прославленных в округе проводников. Самыми лучшими проводниками бывают те, которые всю жизнь проводят на баранте. Так, например, Тунгатар, который с 15 до 50 лет каждый год ездил на баранту, проявляет необычную осведомленность и память на места. Один раз, ведя отряд через Голодную степь, хотя ночь была темнущая, угадал прямо к источнику, словно журавль. А когда рассветало, он сказал: «Был я тут лет 15 тому назад, и недалеко от этого источника, возле горушки, оставил ножик. Нужно пойти его поискать». Пошел и нашел.

11 сентября

Здесьняя волость состоятельная. Много таких, что имеют многочисленные стада баранов, один – более 1500. Кунайчи-карсоны и сарымовцы перед разделением были очень богаты. Все эти басентинские волости славятся своей охотой и мастерством в баранте.

Утро было пасмурное, но не холодное. Позднее поднялся страшный ветер, несколько раз принимался дождь. Мы выслали вперед наших верблюдов, а сами завтра едем в Каркаралы.

12 сентября

Сегодня годовщина освобождения Вены. Здесь, в киргизской степи, сколько мыслей возникает у меня при этом воспоминании! Все небо в тучах. Дорога сначала была гористой – до самой актауской дороги; оттуда долинами до речки Джарлы, далее через каркаралинские горы, скалистые, покрытые сосновым лесом, – до самых Каркаралов. Всего девяносто верст.

Несколько раз принимался идти дождь с градом, и снова блистало солнце. Летел все время рысью и галопом. Только раз сошел с коня, чтобы выпить полстаканчика водки и закусить булочкой. Мой конь уставал все больше и только при помощи камчи доставил меня, измученного, до места.

По дороге мы убили молодого беркута, смерть которого киргизы горько оплакивали. Над Джарлой видал следы обработанной земли. Виды с каркаралинских гор прекрасные. Каркаралы в красивом месте – между горами, над речкой.

Никогда не пил чая с таким аппетитом и так много, как сегодня. Вечером мы сходили в баню и рано легли спать, но я не смог заснуть до утра: вероятнее всего – результат перемены погоды и купания.

13, 14 и 15 сентября

Первый и второй день мы провели в Каркаралах, все время ели и пили кофе, чай, наливки и т. д. На третий день, то есть 15 сентября, выехали утром в чудесное время и к ночи прибыли к джусенбай-чекчеканцам.

Выезжая, получил письма от матери, брата и невестки. Мама боится, чтобы я не сгорел во время пожара в степи, и – удивительное дело! – именно после получения письма я чуть было не сгорел из-за сигары, которую, плохо притушив, положил в карман.

16 сентября

Я, видимо, помаленьку превращаюсь в киргиза, и юрта становится для меня обычным жилищем. В Каркаралах не мог спать; здесь, на свежем воздухе, спал

отменно. Окрестности пустынные, высокая трава, невдалеке руины недавно сожженного пикета. Эта волость наполовину султанская, наполовину киргизская – все время распри, ни в чем нет ладу. Султаны угнетают бедных. Одних чингисидов насчитали девять, всем грош цена, терпеть не могут Кушбека, хоть он им и кровный.

Сын Юсуфа умер, будучи у Барака. Сейчас привезли сюда его вещи, киргизы выезжали их встречать. Эти вещи развесили в специально для этого поставленной юрте, торчит над ней сломленная пика с черным платком, а изнутри доносится плач собравшихся женщин.

17 сентября

Прочитав несколько номеров «Северной пчелы», я узнал о бегстве Людовика Наполеона из Гам (не знаю, каким образом, потому что номера июньские), о новом папе и о смене Пеля. Читал сейчас в русском переводе мемуары о пребывании Наполеона на острове св. Елены. Мне понравились слова: «Дни его уплывали в постоянном и убийственном однообразии. Воспоминания и тоска были для него самыми опасными врагами, работа – единственным бегством и утешением». Ах, если бы не работа, разве я выдержал бы 16 лет изгнания?

18 сентября

Ночь была удивительно теплая, с утра густой туман окутывал долины, и воздух был настолько сырым, что встали мы с тяжелыми головами. Неудивительно, что англичане в своей туманной стране знают, что такое сплин!

Наполеон, когда ему сказали о его повсеместной славе, ответил:

«Несмотря на это, я уверен, что в самом Париже много таких, которые меня не видели, а в других странах много есть таких, что и имени моего не слыхали». Правду сказал, потому что и наши киргизы о нем ничего не знают.

После полудня мы выехали за 15 верст к караул-камбаровцам и остановились у них в урочище Карасор. Обширная равнина, а дальше, за аулами, озеро такого же названия, разлившееся на несколько верст, вода соленая. Все это пространство было когда-то дном более огромного, чем нынешнее, озера, потому что повсюду солонцы и земля еще частенько вязкая. Отсюда видны каркаралинские горы и то место, которое было театром дела Елчина с султаном Кунтаем Абулгазином, убийства казака Беляева и т. д.

Позднее приехал Кушбек с большой свитой. Вид его отрядов со стороны был красив, словно марш эскадронов. Вся площадь казалась полем битвы, юрты – словно наметы, а движение киргизов, летающих во все стороны, напоминало движение адъютантов, рассылаемых с приказами вождя.

Кушбек пришел к нам вечером и говорил, что в Джусембай-Чекчеканской волости киргизы спрашивали обо мне, кто этот, что сидит, задумавшись, в юрте полковника? Он сказал им, что это брат Ассессора. «О! – раздался крик и страшные ругательства. – Пусть его черти возьмут». Я ему объяснил, что вовсе не благодарен за такую рекомендацию, потому что хотел бы оставить о себе у киргизов иную память, чем Ассессор. «Не бойся, я их сразу вывел из заблуждения. Как же ты можешь думать, что я хотел очернить товарища по путешествию. Если едешь с волком, то и о нем надо хорошо говорить, а что же о хорошем человеке?!»

Волостной и толмач, проживающий в здешней волости, не представились старшему султану: эти господа играют тут большую роль и знать не желают, что этот киргиз является президентом.

19 сентября

Мы узнали, что Барак пошел с киргизами на Лепсу против Кенесары. Удивительно, что до сих пор мы не встретили ни одного киргиза с таким же именем.

Фролов говорил мне, что в горах Ала-Тау в конце июля либо в начале августа верблюды начинают хворать ужасной болезнью, называемой «бурма», которая скручивает им задние ноги, и на другой день они умирают. Болезнь очень заразная. Как только киргизы услышат, что один верблюд у кого-нибудь сдох от этой болезни, сразу, словно потоки со всех гор, спускаются в долину. Он сам видел, как один раз от подобной причины неожиданно муравейник киргизов покрыл всю равнину от Ала-Тау до Балхаша.

Говорил также, что долина между Карасу и Караталом чрезвычайно красива и вся обработана при помощи каналов.

Когда сегодня, читая письмо, я нашел упоминание о Стефании, родственнице одной из наших знакомых, вспомнилась мне моя Стефания-Подолька, которую я любил. Помнит ли она меня еще? Ах!

20 сентября

Кушбек с сожалением рассказывал о скверных поступках толмачей и султанов. Воспитанный отцом в отвращении к воровству, он говорил султанам, чтобы не крали и были добрым примером для киргизов. Это их настраивает против него, Джамантай его ненавидит и говорит своим сторонникам, что он угнетает народ его отца. Здешний султан Шергали, брат Аблая, волостного чекчеканцев, также из чингисидов, столько же значит, что и тот: его никто не слушается.

Удивительно прекрасным днем, овеваемые теплым ветерком, мы покинули Караул-Камбаровскую волость.

Когда мне подали коня, у меня екнуло сердце, и я сел на него с опаской. А когда поехал, – понял, что имею дело с существом, которое сильнее меня, с которым нельзя шутить. Каждую минуту мой сивый загрызал удила и прижимал уши. Все шло не так еще плохо, пока мы были одни, но когда показалась летящая арба, и какой-то киргиз закричал свое «ги-га!», он рванул с места... Как он меня не сбросил и сам не разбился об арбу!?! Не знаю как, но, сверх ожидания, я удержался в седле и осадил его у самых колес повозки. Пересел на арбу, а своего скакуна отдал толмачу Измайлову, который привык к таким безумцам, и сильный, как дуб, он дал ему такого перцу, что не раз казалось – и конь, и всадник сломают шею!

Проехав верст 10, пересекли почтовый тракт именно в том месте, где Беляев был убит и ясак взят бандитами. Все время ехали равниной, то там, то тут встречая озерки, полные соли и почти без воды. После сорока верст непрерывной езды, поздно вечером приехали в аул кара-айкимбетцев, где находится становище старшего султана Кушбека. Здесь нас приняли, как нигде. Юрта пышная, двери обиты чем-то вроде меха с красиво вышитым краем, распестренным бляшками из перламутровых раковин с воткнутыми за ними перышками филина. Изнутри занавес на двери шикарно вышит шелком, внутри юрты полно дорогостоящих ковров, баскур и т. д. Нам прислали самовар с чаем. Сам же султан из деликатности не пришел, чтобы нас не утомить с дороги, но пригласил на завтра к себе.

21 сентября

Ночь была теплая, только нам не дали спать сторожа, приставленные к нашей юрте. Здесь, видимо, хорошо стерегут свои табуны, потому что мы все время слышали голоса пастухов. В 9 часов туман разошелся, и выглянуло солнце. Увидел окрестные горки и речку Талды, сочащуюся тонкой ниткой прозрачной воды в нескольких шагах от нашей юрты. Вскоре прибыл адъютант с вопросом, хотим ли мы ехать к султану, вслед за ним пришли и кони.

Султанский аул стоял в двух верстах, а в нескольких шагах от него бухарский наметик в виде беседки, куда нам принесли чай, арак и пилав. Кушбек прибыл тотчас, как мы покончили с завтраком, так как он по причине поста не хотел при нем присутствовать. Войдя, сразу сказал мне: «Я с Виктором и с Карачаком знаком давно: они у меня уже были. Но ты моим гостем являешься первый раз, скажи, чем прикажешь тебе служить. Может, зарезать для тебя барана, коня, верблюда?» Когда я поблагодарил его, отказавшись от всего, он молвил со смехом: «А может, ты хотел иметь что-либо на ночь, я вижу, ты даже побрился перед тем, как показаться у айкимбетцев; скажи, я выберу тебе под пару, такую же длинную. Об издержках не думай, я уплачу сам». Представляя нам потом своего инфанта (усыновленного им, так как дети у него поумирали), сказал: «Это мой поэт, писарь, охотник, кузнец и все, что хотите». Султан имеет трех жен, но живет только с самой молодой, а средняя живет около старшей, отлученная от его ложа, потому что он вскоре после бракосочетания убедился в ее плохом поведении. Посидев часик, он удалился, извинившись, для выполнения молитвенного обряда над приведенным для заклания жеребенком, чего требует от него долг хозяина. Когда для этой цели приводят к юрте барана или еще какую скотину, резник держит голову животного слева под мышкой, а хозяин, благодаря бога, что имеет достаток и может угостить гостя, благословляет приговоренную жертву и дает знак, чтобы зарезали.

Вернувшись от Кушбека, мы начали перепись, на которую он сразу приехал сам. Вот тут-то и выяснилось лучше всего, что такое киргизская аристократия! Каждый из них (а здешняя волость имеет их несколько десятков) старался уменьшить число своего скота и торговался из-за каждого барана. Какая при этом проволочка в ответах, какие ссылки на свидетельство то того, то другого! Ел билеуши молчал. Старший султан, спросив несколько раз, сколько было записано, а сколько показывает призванный, по родственным ли причинам, или потому, что султан не решался разорубить гордиев узел, после долгого молчания говорил: «Кудай биледы» (бог знает). Мы потратили несколько часов на запись этого, как Виктор называл, паскудства. Нужно было все его хладнокровие, чтобы не выйти из границ терпения и не сказать им какой-нибудь глупости. А сколько времени утекло, пока не выбрали, наконец, старшину, которым имел честь стать один из адъютантов Кушбека, поэт Кожемсугур. Любопытно, как он будет справляться со всем этим спесивым сбродом.

Как только мы покончили с переписью у султанов, с простыми киргизами дело пошло как по маслу. И эти господа-султаны, которые так берегли себя, вовсе не думали их защищать.

Первый раз мы, наконец, напали на имя Кенесары, да и то его носил отец батыра Худайменды.

Сегодня начало осени, день чрезвычайно теплый и тихий. Киргизы купаются в Талды, хотя воды в ней воробью по колено. Не видно никаких птиц. Пролетело несколько уток, но и то из отдаленных районов.

22 сентября

Закончив перепись кара-айкимбетцев, начали переписывать киргизовцев, переселенных в эту волость.

В прошлом году, когда у меня сломалась ось, киргиз ее связал конским волосом, и я проехал потом с этой осью 25 верст. Сейчас киргизы посоветовали надломленный обод колеса укрепить полосками из шкуры только что убитого коня и ручаются, что выдержит несколько сотен верст. Посмотрим! Кому бы из нас, цивилизованных, пришла в голову такая идея?

Целый день жара.

23 сентября

Сегодня именины моей матери! Писал ей и моей племяннице Михалинке, которой послал благословение по случаю замужества. День распрекраснейший. Виктор, желая сделать его для меня еще более приятным, дал четыре «регалии»; курил их и думал о лучшей из матерей, на чаепитие к султану не поехал.

24 сентября

После полудня, закончив работу, попрощались с айкимбетцами. Дорога наша проходила по солонцовым долинам, в которых, как считают киргизы, наилучшие пастбища: такая покрывает их обильная и густая трава битеге. Ехали в одних только летних халатах, однако пот лил с нас ручьями. Мы приблизились к Куским горам, в которых Попов перетапливает свое олово, привозя уголь из Баян-Аульского округа. Вид этих гор очень живописен: вершины издали кажутся руинами рыцарских замков. Проехав верст 40, заночевали у джатаков.

25 сентября

Встав утром, поехали дальше, вперед, равниной, потом по горкам, частью по дороге, ведущей из Ку к Пограничной линии, частью степью. Сделав снова верст 40, дотянулись мы до берегов реки Тундык, где нас принял Таттимбет, волостной нурлике-чанчарцев. Весь этот день были словно растопленные от жары, предвещающей перемену погоды. Охладила нас только тень от юрты, поставленной над журчащей речкой.

Долетела до нас весть о походе Кенесары на дикокаменных киргизов; слышно, что уничтожил 700 юрт, при этом не обошлось без жестокости, будто бы привязывали беременных женщин к кереге и вспарывали им животы. Наши киргизы говорят, что Кенесары поступал, как дикий зверь.

Вечером у нас был один киргиз, который так достоверно подражал голосам, минам и движениям разных зверей и птиц, а особенно верблюда, кулана и беркута, что трудно это сделать лучше.

26 сентября

Погода изменилась: холодно, дождь. Скука смертная, ходить некуда, читать нечего. Вдобавок юрта тесная и полно киргизов. Для дневника нет нового материала: все одно и то же.

Под вечер пошел осенний дождь. Когда все киргизы вышли, сделалось еще холоднее. Мы вынуждены были разложить костер и просидели около него, беседуя, до десяти часов.

27 сентября

С утра немного прояснилось, но холодно. Пришлось разложить огонь. После полудня показалось солнце, мы смогли хоть немного прогуляться.

Позабавил нас Кушбек, похвалявшийся, что послал 30 человек косить сено! В конце сентября косить сено! Кто бы у нас этому поверил. На вопрос, почему не косили тогда, когда весь мир косит и трава зеленая, он привел двадцать четыре причины, а главное, что тогда не было времени, а сейчас лучше, так как сухая трава не требует столько ухода.

Около нас сидит множество киргизов и весь день тешатся, глядя на того киргиза, что так здорово подражает зверям и пению птиц.

В здешней волости очень много бедных.

28 сентября

Каскыр, подкрадывавшийся к табуну, наделал столько шуму, что разбудил нас среди ночи. С утра морозно – вставать мучительно. К несчастью, в окрестностях нет ни деревца, ни даже карагайника, а для отопления употребляется разного рода навоз: тезек, джапа, кий – дымит он невероятно и издает невыносимый запах. Наилучший тезек – коровий. Разведя тезековый огонь, душились мы дымом до 9 часов, прежде чем солнце заглянуло к нам в юрту.

Под вечер мы выехали к айбике-чанчардам, кочующим в пятнадцати верстах над той же самой речкой Тундык. Приехали на место звездной ночью. Волостной – Алчинбай. Мы застали в юрте две постели, хорошо постеленные, зажгли тезек и развлекались беседой до 10 часов, а так как после приезда и аппетит нашелся, то съели миску куырдыку [49] и, запив кумысом, легли спать.

29 сентября

Прежде чем мы встали, у нас развели огонь, что было приятно, так как мороз сильнее, чем вчера, выбелил траву, и до 9 часов утра иней не сходил с нее.

Вышли мы из юрты и пришли в восторг от картины окрестностей. Наша юрта стоит на высоком закругленном холме; у его подножия в долине вьется река Тундык; над речкой рассыпаны аулы со своими стадами. Все это опоясано полукольцом гор, на вершине которых высоко поднимается киргизская могила. Это место называется Арнатык, от Баян-Аула отстоит верст на 90, от линии – 150 и столько же от Каркаралов.

Кушбек прислал посыльного с просьбой дать сахара и хлеба. Придя позднее сам, говорил, между прочим: «Мы воображаем о себе в степи, что являемся великими людьми: волостные, заседатели, старший султан! А мы не что иное, как пастухи Паши; пасем его скот и, когда что погибает, отвечаем за убыток».

По случаю именин жены и дочери Виктор дал нам по пять «регалий». И как бы для того, чтобы почтить этот день, мороз спал, и погода была прекрасная. Только киргизы вывели нас из терпения, собираясь, несмотря на всякие понукания и приказы, медленно, так, что мы едва смогли с 11 приступить к переписи. Тут, как и всюду, где есть султаны, народ делится на партии, а отсюда споры и непослушание.

Кухмистер наш выехал, а скипетр перешел в руки его братишки Амантая. Он два месяца присматривался, как тот нам варил суп из баранины, и первым его вопросом было: «Сколько положить в него кусков сахара?» За эти dictum acerbum

мы его поблагодарили, но усомнились в первом блюде. Однако, несмотря на это, для первого раза выступил он совсем неплохо.

30 сентября

Виктор приказал Амантаю не пускать киргизов, пока не напьемся чаю. Куда там! Чуть только он отошел на минутку от дверей, как их налезло с дюжину. День был распрекрасный: тихо и тепло.

1 октября

У нас был Джаугутты. Спрашивал, нет ли айрана, потом кумыса, но все это было подговоркой к чаю. В этой волости много любителей пожить за чужой счет, особенно среди кара-кемсурцев. Вчера ограбили одну султаншу, ехавшую к мужу, у другого султана украли несколько коней и верблюдов, а посланных к ним от Кушбека киргизов побили.

Нас посетил восьмидесятилетний старик, который когда-то был владельцем Ку. Во время разговора сказал Виктору: «Я долго живу на свете, а первый раз вижу такого россиянина, как ты». Потом добавил, указывая на толмачей: «Толмачи и казаки – это одержимые дьяволом; чиновники – сами дьяволы. Если по ним судить, то вся Россия населена дьяволами».

Киргизы могут с утра стричь только ногти, а бриться и стричь волосы – лишь после захода солнца. Обрезанные ногти закапывают в землю.

2 октября

Выехали к ялынбушцам по долине, между отдаленными друг от друга горами, сделав верст 60, остановились в Кызыл-Адыре. Волостной – Джангозы. Сын его за четыре дня довольно хорошо научился читать по-русски. Утро было ветреное, день хороший, под вечер пошел снег.

3 октября

Когда мы встали, нас поразил печальный вид: вся долина и ближайшие горы покрыты снегом. И что еще хуже – мучительный холод: мы должны все время сидеть у огня, да и то в самом низу, потому что дым, наполняющий юрту, ест глаза.

4 октября

Узнал, что Кушбек имеет колдуна, который ему предсказывает будущее. Знамя Кушбека – белое, у Барака – красное, а у Кенесары – зеленое. К вечеру ветер прекратился.

5 октября

Тихо, но холодно. После полудня выехали к байбуринцам в урочище Карабулак. Обычная дорога, каменистый грунт, частые холмы, расстояние – 30 верст. Волостной – Алдаберген.

Пришла весть, что у алтеке-сарымцев увели значительное количество коней. Кушбек говорил, что наданы – это в его округе – самый отважный род, и если они вовремя узнали о нападении на сарымцев, то наверняка пустились в погоню за барантачами.

Сегодня свадьба моей Михалинки. Это воспоминание вызвало у меня слезы. Вода плохая, даже чаю нельзя выпить за ее здоровье.

6 октября

Байбуринцы были некогда самыми богатыми в округе, и хотя их русские два раза «чабарыли», как говорят толмачи, они еще достаточно богаты скотом и этим обязаны прежде всего отменным пастбищам и небольшим обычно снегам.

7 октября

Ночью ветер едва не перевернул юрту. Утром буря. Потом ужасный холод. Попробовал отойти на несколько шагов и еле сумел воротиться. Только богу известно, что мы за этот день вытерпели.

8 октября

Сухоналимов прислал хлеба и водки. Но милее всего был мне вид тезека-джапа, привезенного нам в достаточном количестве в чамбарах. День мы провели уже лучше, без особых трудностей, и не так дрожали.

9 октября

Ночью замерзла вода, день сумрачный, немного ветренный, с перерывами идет снег. Катался по льду ручья, толщина которого полтора дюйма. Дым нам так надоел, что решили лучше сидеть без огня, согреваясь только надеждой закончить завтра работу. Ведь сегодня с неописуемой радостью начали переписывать семнадцатую – и последнюю – волость, Кучумурунскую, Бегайсар. К счастью для нас, кучумурунцы согласились провести перепись тут же, на месте, вместе с байбуринцами. И их несколько раз «чабарыли».

В разговоре об Али Кушбек, хваля его, сказал, что все же ему не нравится, что он жует табак. Виктор ему на это серьезно заметил: «В алкореане написано, что нельзя класть табак в уста, ибо ими выговаривается слово “Аллах”. А киргизам и невдомек, что Магомет еще ничего не знал о табаке, все они вместе с Кушбеком закричали: «Хай! Хай! Какой умный!» А кто-то еще добавил: «Недаром Кунанбай говорил, а он известно какой мудрый: хоть я и колкий, но с полковником – дело трудное, как отзовусь, так он меня и срежет, поэтому лучше молчать».

10 октября

Ночь была необыкновенно тихая и теплая. Мы могли спать, раздевшись до рубашки. Но, увы! исчезла надежда на выезд отсюда завтра, так как именно эта тишина в воздухе привела к тому, что в юрте толмачей дым стлался по полу и не мог выходить через чанырак, что не позволило им писать ночью. На лицах всей нашей компании явная грусть. Что же делать! Утешаемся тем, что, столько претерпев, и еще один день протерпим, и послезавтра пустимся в путь. До Каргалов только 170 верст. Там немного отдохнем под крышей, а оттуда хоть еще более 900 верст, но уже повозкой, через каких-нибудь двадцать дней будем в Омске.

СЛОВАРЬ

Абд-эль-Кадер (1808–1883) – вождь национально-освободительной борьбы алжирского народа, оратор и поэт, одержавший ряд блестящих побед над французскими колонизаторами.

Аттан – боевой клич казахов – «На коня!»

Барымта (каз.) – насильственный угон скота. (В книге оставлено прежнее написание – «баранта» в русской транскрипции.)

Бастард (франц.) – незаконный, внебрачный ребенок.

Гумбольдт А. Ф. (1769–1859) – немецкий естествоиспытатель, путешественник. В 1829 году предпринял экспедицию на Урал, Алтай, в казахские степи.

Жакмон, Виктор (1801–1832) – французский путешественник. Руководимый любовью к естественным наукам, объездил Европу, всю Северную Америку, а также Индию, собирая коллекции, побывал в Гималаях, Тибете, Лахоре, Пенджабе и Кашмире.

Ивашевич, Виктор – ссыльный поляк, товарищ и друг Янушкевича, служил чиновником в Пограничном управлении, возглавлял группу, производившую перепись населения и имущества казахов Средней орды.

Кантаридин – вещество, содержащееся в настое шпанских мух.

Карпино, Джованни да Плано (1182– 252) – итальянский путешественник. В 1245 году по поручению папы Иннокентия IV во главе дипломатической миссии прибыл в Монголию (район Каракорума) через долину Сыр-Дарьи и Семиречье, вдоль южных склонов Монгольского Алтая.

Кунанбай Ускенбаев (1804–1886) – отец Абая, один из влиятельных биев Среднего жуза, отличался, по воспоминаниям современников, необычайной жестокостью и коварством. Некоторая идеализация Кунанбая в книге – результат субъективной оценки автора, не успевшего достаточно глубоко узнать подлинный характер властного правителя.

Кенесары Касимов – внук хана Аблая, происходил из среды крупной феодальной знати. В 1837–1846 годах стоял во главе феодально-монархического движения, которое имело целью восстановление ханской власти и привилегий рода Касымовых. Кенесары рассматривал казахский народ как собственность ханского рода. «Аблай был ханом в казахских ордах, следовательно, они принадлежат ему», – объявил Кенесары. В 1846 году вспыхнуло народное восстание киргизов, в результате которого Кенесары Касымов был убит.

Митридат (132–163 до н. э.) – царь Понтийского царства, вел много войн, стремился изгнать римлян из Малой Азии, после победы над ним Помпея покончил с собой.

«Мыши святого Попея» – известная у поляков легенда о св. Попеле, который стал добычей мышей. Широко использована в литературе.

Ниневия – столица Ассирии в VIII веке до н. э. (вблизи современного Мосула). Разрушена в 612 году до н. э.

Паллас, Петр-Симон (1741–1811) – русский естествоиспытатель, член Петербургской академии наук, путешествовал по отдаленным районам Урала, Сибири и т. д.

Партенопоп – Партенопейская республика, зависимое от Франции государство, образованное в Италии из части Неаполитанского королевства, существовавшее в 1799 году.

Пиндар (522–442 до н. э.) – древнегреческий поэт, представитель хоровой лирики, создатель торжественных дифирамбов.

Рубругиз, Рубруквис, Рубрук, Биллем (1220–1293) – фламандский путешественник, побывавший в Монголии. В 1254 году прибыл в Каракорум, дал его подробное описание.

Саржан – султан, потомок ханов Аблая и Валия, считал себя продолжателем их дела и претендовал на ханскую власть. В 1824–1836 годах возглавлял феодально-монархическое движение, начавшееся на территории Среднего жуза. В 1836 году был убит ташкентцами, его преемником стал Кенесары.

Сент-Илер, Этьен Жоффруа (1772–1844) – известный французский зоолог, заслуга которого перед естественными науками огромна.

Срым Датов – руководитель восстания казахских шаруа Малого жуза. Популярен в памяти народа, как защитник угнетенных.

Тай-туяк (каз.) – копыто жеребенка – название слитка серебра, определяющее его величину.

Талейран – Перигор, Шарль Морис (1754–1838) – выдающийся французский дипломат, один из самых крупных представителей буржуазной дипломатии начала XIX века.

Тогыз (каз.) – девятка – приз владельцу скакуна, состоящий из верблюда, орла, коня, коровы, жеребенка, овцы, козы, ковра, шубы, халата или иных ценностей в различных сочетаниях.

Тогыз кумалак (каз.) – народная игра, подобие шахмат.

Шренк А. И. – русский путешественник, в 1842 году на пути к Семиречью исследовал Приишимье, горы Улу-Тау и др.

Югурта – нумидийский царь, живший во II веке до н. э., вел много войн, часто изменял своим союзникам, совершил много предательских убийств.

Ямб, бесик-ямб (каз.) – названия слитков золота.

КОММЕНТАРИИ

[29] Аксуек – ак-суек (белая кость, чингизиды). См. комментарий № 13.

[30] Социокультурное содержание понятия «ру» выделил М. С. Жакин: «Понятие “ру” содержит в себе идею связи во времени. Точнее, архетип понятия «ру» в менталитете народа отождествляется с анатомией (строением) и био-логией человека: шея, сустав, (кость), семя, через которые выражается идея связующего звена. Функциональной нагрузкой данного понятия является актуализация преемственности опыта прошлого, в результате которого идеологически обеспечивается передача знания и опыта по каналу межпоколенных связей» (Жакин М. С. Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации казахов (по материалам XVIII –XIX вв.). Автореф. ... канд. ист. наук. А., 2001. С. 16–17; Он же. Социокультурное содержание понятия «ру» и его эквивалентов «ел», «журт» в традиционном обществе казахов. Опыт семантического анализа // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2000. № 4. С. 3–16). Многие исследователи отождествляют понятие «ру» с понятием «род». Так, еще в начале XX века М. М. Ковалевский говорил: «Род был и остается еще союзом, обнимающим собой всю жизнь», «Родом, – говорит он в другом месте, – нужно считать совокупность семей, все равно материнских или отеческих, которые с большим или меньшим основанием считают себя соединенными узами крови, имеют общий культ, общие прозвища, коллективную ответственность за деяния, совершенные одним из его членов, и обыкновенно общее пользование имуществом или частью последнего» (цит. по: Максимов А. Н. Теория родового быта // Максимов А. Н. Избранные труды. Сост., автор послесл. и коммент. О. Ю. Артемова. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. С. 88–104, 92–93). Российский этнограф начала XX века А. Н. Максимов говорил: «Во всяком случае, не всякий союз, фактически состоящий из родственников, мы назовем родом или кланом. А как только мы перейдем к более точным определениям, сейчас же и начнутся затруднения, выражающиеся, с одной стороны, в разногласиях между исследователями, пытающимися дать такие определения, а с другой – в разного рода колебаниях по вопросу о том, можно ли назвать «родовой» организацию данного конкретного племени. Такие колебания отнюдь не такая большая редкость, как может казаться, и имеют иногда место по отношению к племенам, хорошо изученным, где в нашем распоряжении имеются все нужные фактические данные, где, следовательно, колебания нельзя объяснить пробелами в нашем знании» (Максимов А. Н. Теория родового быта. С. 88–104, 90–91). На наш взгляд, род, как организация многоплановая, представляет собой биосоциальный организм, постоянно динамически развивающийся, подчиняющийся законам своей внутренней динамики.

[31] Тайпа – племя, представляется нам организацией на порядок выше, чем род, и имеет тесную связь с государственностью казахов. Теоретически племя характеризуется как административно-территориальный институт, имеющий внутреннюю политическую организацию на основе родовой организации или совокупность отдельных родов, ведущих свое генеалогическое происхождение от одного первопредка (см.: Муканов М. С. Таксономические уровни в родо-племенной структуре казахов // ИАН РК. Сер. обществ. наук. 1992. № 4. С. 44–51).

[32] Ала-алаш (пестрота) – слово «алаш» А. Янушкевич услышал в одном из вариантов легенды о происхождении казахов от мифического первопредка Алаша-хана, в ней же освещена история появления трех казахских жузов (ср.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV // Потанин Г. Н. Избранные сочинения в трех томах. Т. 3. Труды по истории, этнографии и фольклору. Павлодар: ТОО «ЭКО», 2005. С. 67; Он же. Казак-киргизские и алтайские предания и легенды и сказки // Там же. С. 309). Интересно, что термин «Алаш» как синоним понятия «казах» существует до сих пор (Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982). Алаша-хан

– это легендарный правитель и родоначальник казахского народа, с его именем связывают эпоху единения всех казахов, своего рода «золотой век» в истории народа. В Центральном Казахстане на Улытау есть мавзолей Алаша-хана.

- [33] Аргын – «древнее и многочисленное племя казахов, входившее в состав Среднего жуза и частично Младшего жуза. В конце XIX века численность аргынов определялась в 500 тысяч человек. Аргын принадлежит к числу основных компонентов, образовавших в XV веке казахскую народность. Кочевали в Восточном Казахстане. Язык аргынов – северо-восточный диалект казахского языка, легший в основу современного литературного языка казахов» (Статья «Аргын» из кн.: Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 1. М.: Госуд. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1961. С. 715; Ср.: Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка: Учебное пособие. 2-е изд., доп. А.: «Санат», 1997. С. 47–50; Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. А.-А.: «Наука» КазССР, 1974. С. 47–53).
- [34] Алчыны (по каз. «алшын») – общее собирательное название племен Младшего жуза.
- [35] Легенда о происхождении султанов, приводимая А. Янушкевичем, интересна напластованием различных сюжетов из других мифов и исторических преданий. Так, нам удалось выделить несколько пластов: 1) монгольский – происхождение рода Чингис-хана от прародительницы Алан-Гоа: «Каждую ночь прозрачный желтый человек входил через щели порога и дверного косяка и гладил мне чрево. Его сияние проникало мне в чрево. Уходил он подобно солнцу и луне, словно желтая собака, озираясь. ...Судя по приметам, они сыновья Неба. Зачем их приравниваете к черноголовым людям? Когда станут они ханами над всеми, тогда чернь поймет!» (Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1990. С. 12); 2) в фигурировании золотого сундука, в котором сидела беременная девушка, плававшего три дня и приставшего к берегу, мы усмотрели похожий сюжет у поэта А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане», несомненно, имевший восточное происхождение; 3) старуха, вероятно, байбише (старшая жена), хан – ее муж; прогневанный хан выгоняет дочь из дома; приключения девушки на чужбине – вероятно, всё это элементы казахской легенды о Алаша-хане (см. комментарий № 32). Этот пример демонстрирует гибкость народного сознания в области фольклора, способность ассимилировать элементы других культур, сочетая их с элементами местного автохтонного происхождения.
- [36] Кунанбаев Ускенбай (1804–1886 гг.) – один из крупных родоправителей казахского общества середины XIX века, служил также ага-султаном Каркаралинского округа, в конце жизни совершил хадж. Отец великого казахского писателя Абая Кунанбаева.
- [37] Генеалогия султана Барака, упоминаемая А. Янушкевичем, интересна, как феномен сплетения мусульманской, монгольской и казахской историологических традиций (ср.: Кудайберды-улы Шакарим. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов / Пер. Б. Каирбекова. А.-А.: СП «Дастан», 1990), что также демонстрирует восприимчивость и изменение генеалогических преданий казахского народа. Фактически здесь мы имеем дело с синкретизмом мусульманской и степной исторических традиций. Исследуя подобные примеры, ученый может прийти к пониманию истоков генезиса и законов внутренней динамики истории и фольклора казахов (см. также комментарий № 35).
- [38] Домбаул-мерген – легендарный образ в казахском историческом фольклоре. С именем Домбаул связаны мифические события эпохи Алаша-хана, родоначальника казахов. В Центральном Казахстане в горах Улытау известно древнее каменное сооружение (типа «дын»), построенное в честь этого мифического героя древней эпохи. Имя Домбаул встречается только в топонимических преданиях казахов (появление названий Кулан-отпес, Бес-кулан) и т. д. Легенда о Домбауле была широко известна и среди древних монголов (см.: Сокровенное сказание монголов). В этой связи интерес может представлять сообщение академика К. И. Сатпаева: «Тохтамыс был сыном султана Домбаула – одного из феодальных князей, подчиненных хану Кок-орды Урусу, постоянно враждовавшего со своим сюзереном» (Ер Едиге. А.: Гылым, 1995. С. 79).
- [39] Едиге (1352–1419) – мангытский бий Ногайской орды. Основатель правящей династии, с его именем связывают убийство хана Тохтамыша. Свое правление он осуществлял не прямым путем, а через ставленников на трон Золотой орды. Мнения о роли и личности Едиге-бия среди историков расходятся. Так, в советское время Едиге был предметом критики и негативной оценки, исследователи Едиге академики К. И. Сатпаев и А. Х. Маргулан

были обвинены в пантюризме, национализме и т. д. (см. Письма К. И. Сатпаева в кн.: Ер Едиге. С. 132–150). В настоящее время историки объективно подходят к рассмотрению исторической роли и обширному наследию, оставшемуся от личности мангытского бия. Литература и источники, в которых освещается деятельность Едиге-бия, многочисленны и разнообразны (см.: Ер Едиге; Кадыргали Жалайыр Шежірелер жинагы. Алматы: Қазақстан, 1997. 117–119 б.; Тынышпаев М. Мырза Едиге батыр (Ертепдеп Едиге мен тарихтагы Едиге) // Тынышпаев М. Таңдамалы. Избранное. Алматы: «Арыс» баспасы, 2001. 109–116 б.; Он же. Материалы к истории киргиз-казакского народа. А.-А.: Филиал «Нота Бене Пресс» «Алтын-Орда», 1990. С. 59–60).

[40] Чон – Шон-бий (1770–1835) – известный родоправитель баянаульских казахов. С ним связано много фольклорных источников, в которых бий показывает себя справедливым и дальновидным судьей, решая сложные правонарушения как на основе обычного права, так и на основе собственных решений (Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. С. 68). Прах Шон-бия похоронен в городе Туркестане в мавзолее Хаджа Ахмеда Яссави.

[41] Азрет-султан – речь идет о городе Туркестан (древнее название – Яссы), где находится мавзолеем Ходжи Ахмеда Яссави.

[42] Аблай-хан – «хан Средней киргиз-кайсацкой (казахской. – Н. К.) орды, живший в XVIII веке. Он происходил из младшей линии султанов Средней орды и имел в третьем колене общего родоначальника с Абульмамбетом-ханом, с которым Аблай (в наших бумагах Аблай-султан, двоюродный брат хана) в 1739 году присягнул в Оренбурге на вечное подданство России. Дед его, тоже по имени Аблай, был владельцем города Туркестана и прославился такими воинскими доблестями, что получил грозное и почетное название Кан-Ичер (кровопийца). Сын его, Вали, не мог поддержать славы отца...» (Валиханов Ч. Ч. Аблай // Из истории казахов / Составитель Е. Аккошкарар. А.: Жалын, 1997. С. 29). Сведения, приводимые Ч. Ч. Валихановым, можно дополнить некоторыми подробностями. Так, подлинное имя Аблай-хана было Абулмансур. Годы правления хана в Среднем жузе приходятся на 1771–1781. Выход Аблай-султана на историческую арену происходит в годы борьбы с джунгарами, когда ему удалось в единоборстве одолеть джунгарского батыра Чарыша. Затем следовали тяжелое время плена в стане калмыков, освобождение, разгром Джунгарского ханства в 1756 году и возведение султана на ханский престол в 1771 году. В условиях сложной международной политики и внутренних противоречий казахского общества Аблай-хану удалось сохранить независимость казахских земель. В конце жизни Аблай-хан откочевал на территорию города Туркестана и был похоронен в мавзолее Ходжи Ахмеда Яссави. (Подробные исторические и фольклорные сведения об Аблай-хане представлены в кн.: Шакарим Кудайберды-улы Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. С. 53–63).

[43] Кенесары-хан – внук хана Аблая, сын султана Касыма. Известен как предводитель национально-освободительного движения против колонизаторской политики России в Казахстане в 1837–1846 гг. Это движение характеризовалось массовостью, всенародностью и отвечало чаяниям всех слоев населения.

Несмотря на ярое противодействие со стороны колониальной администрации, предательскую политику среднеазиатских ханств и отдельных представителей казахской знати, движение продолжалось в течение долгих девяти лет и затронуло самые отдаленные районы Казахстана. Кенесары активно помогали его близкие родственники – братья Наурызбай и Абулгазы, сестра Бопай, возглавлявшие отдельные отряды восставших. В народных преданиях остались имена его прославленных батыров – Агыбая, Жанайдара, Жоламанана Тленчиева, Бугубая, Ангала, Басыгара и многих других. Хан Кенесары был последний казахский хан, поднятый на белой кошке в 1841 году. В походе на Киргизию в 1846 году Кенесары-хан потерпел поражение и был убит киргизскими манапами. Литература и источники о жизни и деятельности личности хана обширны (см.: Букейханов А. Материалы к истории султана Кенесары Касымова // Э. Бекейхан. Таңдамалы (Избранное) / Гл. ред. Р. Нурғалиев. А.: Қазақ энциклопедиясы, 1995. 78–83 б.; Бекмаханов Е. Б. Собрание сочинений в семи томах. Т. 2: Казахстан в 20-40 годы XIX века. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005).

[44] Юрта – традиционное переносное жилище казахов, полностью отвечающее требованиям кочевого быта. «Казахи проживали в юртах двух типов, отличавшихся по строению своего купола – со сферическим или конусообразным куполом. Первый тип был распространен по всей территории Казахстана, а второй, называвшийся калмак уй, торгоут уй, говорит

сам за себя – он был заимствован казахами у калмыков (торгоутов). Последний тип юрты встречался на востоке Казахстана, в Семиречье (юго-восток)» (Казахи. А.: Казахстан, 1995. С. 115; Маргулан А. Х. Казахская юрта и ее убранство // Маргулан А. Х. Мир казаха. А.: Институт развития Казахстана, Международный фонд им. Академика Алькея Маргулана. 1997. С. 45–55).

- [45] Толмач – переводчик, служил при местной администрации, содержался за счет местного населения. Нередко переводчики проходили учебу в образовательных учреждениях.
- [46] Левшин А. И. (1797–1879) – видный российский ученый, оставивший после себя известный труд по истории, географии и этнографии казахов «Описание киргиз-кайсацких орд и степей», опубликованный в 1832 году. Впоследствии выдающийся казахский ученый Ч. Ч. Валиханов, отмечая заслуги автора, назвал его «Геродотом казахского народа» (см.: Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под общ. ред. академика М. К. Козыбаева. А.: «Санат», 1996).
- [47] Мавзолей на Каракентигре – вероятно, речь идет о мавзолее Джучи-хана, старшего сына Чингис-хана, расположенном в Центральном Казахстане.
- [48] Джурт (каз. жұрт) – по-видимому, слово «жұрт» своими корнями восходит к слову «юрт», которое переводится как «1) дом, владение, место жительства, земля, страна; 2) руины, развалины» (Древнетюркский словарь. Л.: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1969. С. 282). Этнограф М. С. Жакин пришел к выводу, что «понятие “журт” – содержит в себе идею связи в пространстве. Точнее, архетип понятия “журт” в менталитете народа также связан с домом, но с той разницей, что субъектом здесь выступает человек и его семья, живущие в этом доме и которым рождением, и родовыми узами определено место и горизонтальные связи в социальном пространстве. Функциональной нагрузкой данного понятия является актуализация опыта структурных взаимосвязей в социальном пространстве, в результате которого идеологически обеспечивается устойчивость и целостность» (Жакин М. С. Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации. С. 17; Он же. Социокультурное содержание понятия «ру» и его эквивалентов «ел», «жұрт» в традиционном обществе казахов. С. 3–16). Другими словами, понятие «жұрт» тесно связано с реальным отождествлением местного населения с территорией проживания на основе родства.
- [49] Куырдык – мясное лакомство казахов. В этнографической литературе есть описание этого кушанья: «Излюбленным мясным блюдом был поджарок из субпродуктов (куырдак). Курдючное сало или нутряной жир нарезали мелкими кусочками, растапливали, затем бросали туда нарезанные кусочки мяса, сердца, почек и жарили до готовности» (Казахи. С. 168).

Комментарии Н.Е.КУЗЕНБАЕВА

